

От редакции

Итоги года

Позади еще один год. Можно подвести итоги того, что получилось, и поговорить о тех надеждах, которые не оправдались. Удалось сделать: был праведный первый фестиваль «Поэзия без границ», где вживую встретились с теми творческими людьми из Карелии, кто сотрудничает с газетой. Приятно было отметить интерес со стороны органов карельской власти, но дальше простого любопытства никакого серьезного шага для поддержки данного проекта от представителей карельской власти не последовало. Удалось провести и опубликовать четыре конкурса: детской поэзии, учителей Урала, поэзия души и «Записки любителей природы и путешественников». Удалось открыть новые представительства как в России, так и за рубежом, удалось привлечь к сотрудничеству специалистов из разных уголков земного шара. Но самый главный аспект, который требует серьезного осмысления писателями и читателями - газета сохранила свою концепцию и независимость. Как уже очевидно, в современной Российской Федерации, в отличие от Советской эпохи где произошли большие перемены, в том числе касающиеся информационных источников (СМИ). Нам неоднократно старались внушить, мол, надо бы перестраиваться с политикой материалов, действовать другими способами, а это запустить рекламу, официальный и неофициальный оккультизм, обременять наше издание некими спонсорскими отношения с богатыми лицами, искать некие заказные взаимоотношения с властью и так далее. Проще, стать, как многие нынешние современные СМИ, и фактически отказаться от сущности нашего издания. Мы хотим пару слов сказать о том, как русскоязычные люди, живущие за рубежом, оценивают то, что происходит в настоящее время в России и то, что осуществляется нашим изданием. В частности, они отмечают, что фактически произошла полная экспансия России западной антикультурой, т.е. безнравственными и нелепыми нормами (Россию наводнило большей частью плохое, а не то хорошее, что есть сейчас на западе). Фактически Россия вернулась в темные, досоветские времена. И стоит напомнить, что до советского периода в России часто влияние на власть и общество осуществлялось непосредственно через представителей культов верований и богачей, от чего страдала истинная наука, истинная нравственность, истинная справедливость, истинное социальное равноправие, в обществе утверждалась псевдорелигиозность, процветали псевдонаука, коррупция и самодурство. Между членами общества отсутствовало истинное дружелюбие, но насаждался предвзятый фанатизм и солидарность по ложным критериям, притом начиная от простых людей и кончая властью. Всё это мы можем наблюдать и на современном этапе истории России. Поэтому как старые, так и молодые русскоязычные авторы, и читатели задаются вопросом: неужели история самой России не учит ни власть, ни народ, в какие эпохи Россия действительно была просвещенной, сильной в единстве, справедливой в социальном отношении и независимой от внешнего влияния. В свою очередь наше издание понимает обеспокоенность русскоязычных авторов и читателей о вышедшем из моды и полностью разделяет их переживания. Газета выходит в том формате, в котором она была создана, и мы с благодарностью принимаем от авторов и читателей моральную поддержку нашей деятельности. Не удивляет давление на газету со стороны людей, которые далеки от того, чем мы занимаемся, но редакцию порою возмущает, что некоторые авторы пытаются дать нам наставления и стараются внушить необходимость свернуть с выбранного курса и при этом такие авторы хотят печататься в «Провинциальном интеллигенте 1», а не в тех СМИ, которые они нам ставят в пример. Редакция готова продолжать сотрудничество с разными авторами, которые не относятся к газете потребительски, а понимают, что в издании есть очередность по публикациям, периодичность номеров, что газета делается энтузиастами. И мы очень надеемся на то, что другие люди по мере своих сил и возможностей окажут нам поддержку в различных направлениях. А именно техническую и финансовую. Еще раз хотим обратить внимание всех, что газета не относится ни к городу Костомукше, ни к республике Карелия, и даже не к России, а это, пусть молодое, но международное издание. Газета также не является проповедником какого-то национального фанатизма, фанатизма в культах верования, не принадлежит какой-то политической власти, не принадлежит каким-либо корпоративным бизнес структурам, она вне всего этого. Мы хотим оставаться той газетой, которая несет культуру и просвещение, и надеемся, что в наступающем новом году мы станем с нашими авторами и читателями более дружной, крепкой и сплоченной семьей, в которой люди помогают друг другу.

Поздравляем всех с наступающим новым годом!!!

Редакция

Юля Клевер

г. Санкт-Петербург

У ночи нет цвета

У моей ночи нет цвета,
Только снег
И ветки деревьев,
Только неслышное
Дребезжание трамваев.

У моей ночи нет цвета,
Только сны
И севшие батарейки,
Только невидимое,
Звёздное мохнатое сияние.

У моей ночи нет цвета,
Только окно
И кирпичные стены,
Только непроглядная
Пелена кривого неба,

Только несбыточный
Позапрошлогодний календарь.

Владимир Люльчак

г. Москва

Серебряные волки

Матерый волк, огромный и седой
Ведет собратьев через лес, тропюю,
И нет дороги для него прямой,
Всегда на страже.
Вождь и вечный воин.

Движения могучи и легки,
Все по плечу. Ведь он силен до срока,
Когда затупятся его клыки,
Ослабнет тело и ослепнет око.

До той поры он волен жить как Волк,
Который сам решает, что есть право
Канона нет. Есть выбор и прыжок,
Удар и смерть, иль жизнь,
почет и слава.

Ну а когда придет к нему покой,
Отдав последний рык друзьям из стаи,
Он просто встанет
в строй седых волков,
Что перед ним Серебряными стали.

И вновь вперед,
Возглавив волчий бег,
Ведь смерти нет
для тех, кто жить не трусит.
Бессмертный волк,
серебряный, как снег,
Звучит твой голос песнею над Русью.

Татьяна Вьюжная

г. Костомукша

На чужбину

Покидаем милые края...
За спиной оставлен сумрак

ночи.

Мачехой становится земля,
С укориной прикрывая очи.

Мы летим к безвестным берегам...
Рвутся нити вековых устоев.
Пьедесталы падают к ногам,
Превращаясь медленно в изгоев.

Манит нас туманный Альбион,
Светлое грядущее так рядом!
Подозренье веет от сторон,
Провожая недовольным взглядом.

Едем за далёкою мечтой
(Жизнь... она короткая такая!),
Птицею бескрылой и земной
На чужбине дальней оседаю.

Позади — щемящая тоска,
Нивы и поля за небосклоном.
Остаётся памяти река,
Мать-земля с безрадостным
поклоном.

Валентина Кравченко

г. Костомукша

Спасибо, брат, тебя я не забуду
За твой сердечный
с родины привет,
Тебя я долго в мыслях
помнить буду,
отправляю свой тебе ответ.

Дороги детства заросли полынью,
Там лишь дома, как статуи, стоят,
Но не сотрётся в памяти их имя
И не поставит нам теперь преград.

Одна лишь мысль
сметает все преграды,
Один лишь миг - и я уже в пути.
Свою Украину видеть всегда рада,
Такой страны нигде нам не найти.

В ручьях, в колодцах
чистая водица,
Цветёт подсолнух,
зреет в поле рожь.
Она теперь мне только
лишь приснится,
Нигде такой не встретишь,
не найдёшь.

Глядят в небесь верхушки
строгих сосен,
Спадает вниз весь в белом
жёлтый лист,
А снег в Карелии
лежит, как просесть,
Не слышно больше птиц
весёлый свист.

А там где наша родина Украина
Спадает с клёнов яркий листопад,
Тоскует сердце и живёт,
как в тайне,
Что не вернуться больше
нам назад.

Давно отрезаны пути-дороги,
Сюда забросила нас всех судьба.
И созданы препятствия, пороги,
Определила всех за жизнь борьба.

Как не войти в одну и ту же воду,
Не повернуть решение судьбы,
Я благодарна ей за всю заботу
За всё, что есть, за силы для борьбы.

Ирина Артюхина

г. Москва

Я верю в добрые сказки...

Я верю в добрые сказки,
в чудесное волшебство доверия,
дарящие удивительные откровения
и радость от сознания,
что все взаимосвязано.
Я не разучилась удивляться
окружающему прекрасному,
пленающему мое сознание и
проникающему в душу восторгом,
рождая желание довериться этому
прекрасному,
погрузиться в него и наслаждаться,
жить и чувствовать сопричастность,
верить своему вдохновенному
прекрасному сердцу.
И я уже не могу не любить,
и не только подаренных судьбой
своих,
всех живущих ныне,
потому что мы - сплетенное единое,
рождающее это прекрасное.
И всех живших до меня -
без них не было бы сегодня.
И не могу не любить и тех,
кто будет после меня,
они продлят мою жизнь
незнаюшей памятью обо мне и
любовью,
которой люблю я их сейчас.
И этот свет прекрасного будет
светить всем и всегда,
пока длится добрая сказка
великого бесконечного,
даря бесценные дары обретения
своего "я"
и сознательного "мы",
которые порождают
противоречия полноты
и вечной суеты,
без которой невозможна жизнь
и тайна непостижимости сущего.

ОБРАЩЕНИЕ
к представителям
«ПИ1» и руководителей
литературных объединений
Нам в Петербурге показалось ин-
тересным не только представлять на
суд читателя готовый литературный
продукт, но и заглянуть в Мастерскую
Поэта и поговорить об этом на стра-
ницах НАШЕЙ газеты. Невозможно
посетить творческую лабораторию ав-
тора — стихи, как и проза, рождаются в
тиши, в загадочном интиме мышления.
Но в мастерской — на сходках и поэ-
тических диспутах - о стихах говорят,
спорят, обнажают душу перед своими
коллегам. В первую очередь я имею в
виду ЛИТО. Но и, так сказать, поэты-
одиночки наверняка хотят поделиться
собственными магическими приемами
стихосложения, им тоже есть что ска-
зать. Если это интересно авторам и
читателям, предлагаем устроить твор-
ческую переключку — давайте расска-
зывать о работе наших творческих це-
хов. Предлагаемый в 18-м, январском
номере материал удачно сочетает в
себе рассказ о ЛИТО и краткий анализ
произведений авторов. Попробуем!
Феликс СУРКИС,
Представитель «ПИ 1» в Петербурге

Сегодня в гостях у «ПИ 1» писательница Светлана Тишкина из города Луганска, Украина.

- Светлана, Вы пишете очень много интересных произведений, расскажите, пожалуйста, каким образом Вы пришли к литературному творчеству? С чего для Вас началась литература?

- Даже не пришла я, а влетела на боевом коне в борьбе против украинской «оранжевой революции». Это было не так давно. В 2005 году. Знаю, что не все одобряют такое вторжение в ряды писателей. Но такова правда.

Меня, как и многих моих соотечественников, очень глубоко ранил разрыв отношений Украины с Россией. Родина для меня была, есть и на всю жизнь останется неделимой – в прежних границах СССР!

И вот как-то раз иду на работу, встречаю знакомую. Я ей про беспредел в политике, а она мне про какие-то гороскопы да гадания. Спрашиваю: «Тебе что, действительно все равно, что будет с твоей страной»? Отвечает: «Абсолютно. Какая разница, под кем прогибаться?»

Признаю, есть в этом ответе своя житейская мудрость, но таковое не по мне. Возмутил меня тогда её ответ до глубины души. Я, и мне подобные, хотели тогда, по наивности, народ на борьбу поднять, чтобы исправить геополитический беспредел.

Пришла я тогда на работу и написала свое первое стихотворение. Сама от себя такого не ожидала. В детстве-то стихами баловалась, но так, несерьёзно. Как все романтические натуры, наверное.

А тут за два часа родилось «Спите милье». Вот с этого воззвания и пошли многие мои патриотические, острые стихи. Но время шло. В 2007 году вышел политический сборник «Народом можно пренебречь?» пятитысячным тиражом, на спонсорские деньги. Но он уже ничего не мог изменить.

Но не политикой единой жива была. В этом же году получила доступ к интернету. Первым делом – на писательские сайты подалась. Зарегистрировалась на «ЧХА». Вот там-то у меня глаза и открылись, причем широко от удивления.

Оказывается то, что я писала до сих пор – не поэзия вообще. В душе обиды, даже паника. «Как это так? А вот так. Так считают мэтры поэзии. Извольте соответствовать. Хорошо, как скажете, господа хорошие!» – проносилось у меня в мозгах многократным эхом. Не знаю, как таланта, а упрямства во мне на десятерых. Погружаюсь с головой в правила написания, вникаю в размерности стихосложения, читаю маститых поэтов. Политические лозунги постепенно отошли на задний план. Пишу на философские, любовные темы, пробую одолеть высшую ступень поэзии – пейзажную лирику. Но если бы только стихотворчество. Я же и прозу сразу на себя примерять начала. Оказывается, бывает и так. Прочитала на сайте рассказ, а он из головы не выходит.

Написала я тогда свой первый в жизни художественный рассказ «Ночной заплыв», за день до отъезда (только не удивляйтесь) в «Антинатовский палаточный городок» на озере Донузлав под Евпаторией. Через две недели приехала оттуда и сразу пошёл писать мой первый любовный роман «Ольга».

Опять для меня это было полной неожиданностью. Вот такое было начало у меня. Кстати, со дня на день жду известия от нашего Луганского издательства «Виртуальная реальность», что роман издан. Несколько экземпляров полагаются и мне, как автору.

Хочу сказать огромное спасибо моим друзьям: поэтам, писателям, которые помогли мне, прежде всего своими продуманными, критическими, конструктивными замечаниями. Это поэты Людмила Быкова, Татьяна Кунилова, Зинаида Кокорина, Татьяна Игнатова. Писатель, чье слово, его поэзия в прозе меня удивили, заставили по-иному посмотреть на литературу – Анатолий Петухов. Без этих талантливых людей я бы не достигла желаемого уровня.

Мы ответственны перед читателем

- Вы пишете много песен. Это очень интересно. От какого жанра Вы отталкиваетесь? Что Вас вдохновляет на мелодию, мотив, историю?

- Ой, я вообще в песнях ни от чего не отталкиваюсь, знаю, что не должны быть очень длинными, чтобы не успевали наскучить слушателю, что припев должен быть, хотя и не обязателен. Стараюсь писать разнопланово.

Но в любом случае, песня – это целиком и полностью от души! Как приходит? Приходят обычно первые строки, с ними – тема. А быть тому, что пришло песней или стихотворением, решает форма, в которую облачены эти строки.

Стараюсь не менять дарованный свыше, самый первый рисунок слов. Если при написании стих начинается петься, значит, быть песней! Стараюсь тогда слова складнее находить, попевчее, чтобы слух ласкали, и не топорились угловатостью.

Вот и вся разница между стихом и песней. Но точно могу сказать – если слова уложены в размер, в них уже живёт свой мотив. Услышать только его нужно.

- А есть ли конкретные исполнители, композиторы, диски?

- Есть композитор Александр Дубров, который написал с десяток песен на мои тексты. Жду, когда положит на ноты остальные. Песни исполняются в его ансамблях женском «Вдохновение» и мужском «Аккорд».

В газете «Провинциальный интеллигент1» было интервью об этом талантливом, интересном человеке. Дисков пока нет. Возможно, в будущем Александр включит какие-то из моих песен в свой диск. Это решать ему. Мое дело – писать.

- Светлана, если можно, расскажите, пожалуйста, о Ваших опытах в драматургии. С чего для Вас начинался театр и какое он занимает место в Вашей жизни? Как сложились Ваши отношения с театром?

- Да, вы меня этим вопросом ставите в затруднительное положение. Какой я драматург? Я везде только пробую себя. Одна из таких, опять-таки неожиданных проб – историческая пьеса о В.И. Дале. В том, что театр заказал мне написать эту пьесу, виноваты Злата Рапова и Вы, Ольга. Да, да, не удивляйтесь. Год назад я добросовестно знакомила культурные заведения Луганска с новой газетой «Современная литература», а в ней было опубликовано мое стихотворение, посвященное В.И. Далю и музею его имени, сохраняющем память о нем. Стихотворение тогда получило звание лауреата на историческом конкурсе.

Зашла в театр. Разговорились с директором, наши взгляды, любовь к Далю как создателю Толкового словаря живого великорусского языка совпали. Она и озвучила свою мечту поставить на сцене драмтеатра пьесу об этом великом человеке. Я скромно сказала, что заказ принят, а через полгода принесла пьесу в театр.

К сожалению, будет ли она поставлена, пока неизвестно. Есть некоторые трудности. Ни одна я пробовала осилить эту тему. Жду решения художества. Насколько пьеса получилась и на каком уровне написана – судить не мне. На сегодняшний день она опубликована в интернете. Каждый желающий может набрать в поисковике мое имя и название пьесы «Напутное на все времена» и сделать соответствующие выводы, прочитав её. Одно могу сказать – писала с большим воодушевлением, с трепетом, с Любовью к нашему знаменитому земляку. Посмотревший такую пьесу будет знать о В.И. Дале, если не все, то очень многое. По крайней мере, свободно может сдать тему по Далю самому приличному преподавателю. Параллель с настоящим временем позволяет сделать некоторые неутешительные выводы в сравнении двух эпох; показывает, что Даль не забыт – потому сохраняют память, уважительное отношение к человеку, который жизнь свою посвятил сохранению и становлению русского языка. И сегодня его благородный подвиг, бескорыстное служение людям является ярким примером для воспитания молодого поколения.

Вчитайтесь в его скромные знаменитые слова: «Я любил Отчизну свою и отдал ей должную мною крупницу по силам».

- А есть ли изданные книги? И какова их судьба?

- В настоящий момент в моём багаже изданные в 2007 году сборник патриотической поэзии «Народом можно пренебречь?», в 2009 году – сборник лирики «Как начинается весна?». В него вошли 265 стихотворений, написанные, в основном, за период 2007-2009 годов.

На выходе из печати, как я уже говорила, роман «Ольга». Это полноценное издание, вошедшее в серию, в твердом переплете за счет

издательства «Виртуальная реальность» (мой первоначальный взнос невелик по сравнению с их затратами).

Ждёт очереди издания роман «Красноречивое молчание». Написана историческая пьеса о В.И. Дале «Напутное на все времена». Также готова к изданию первая книга детской повести «Миражи на дорогах + детские шалости», вторая книга написана наполовину. Над ней сейчас и работаю.

Дай Бог, будет полезной для воспитания подрастающего поколения. И одновременно интересна как детям, так и их родителям. Все мои произведения опубликованы в интернете. В столе, за паузой ничего не держу.

- Творчество для Вас является мистикой? Что толкает Вас на творчество - воля души, или какая-то сила свыше?

- Мистика? Что такое мистика? Это то, что мы пока не сумели постичь, познать, объяснить или полностью выдумали. Фантазия иногда бывает очень яркой, кажущейся реальной.

Относительно всего творческого процесса я бы применила другой термин – связь с духовным миром. Оттуда черпают все творческие люди то высокое, вдохновенное и непостижимое, перенося посредством доступных нам средств и инструментов (к примеру, лист бумаги и карандаш) в наш материальный мир.

Слова – самые простые, земные слова – это коды к нашему восприятию: как в логическом понимании, так и в энергетическом заряде. Ни для кого не секрет: от одних слов несёт холодом, пробирает дрожь, от других – тепло и радостно на душе. Открываешь стихи одних поэтов – и не можешь дочитать до конца, какая-то сила выбрасывает тебя из понимания слов, душа сворачивается, не пускает эти слова-коды внутрь. Понимаешь – неспроста это. Значит не нужно, нет созвучия. Однозначно, творческий процесс приходит свыше. Это от Бога! Хотя есть и другой, противоположный этому источник. Оттого и не все душа воспринимает, наверное. И вряд ли из такого можно почерпнуть что-либо высокое. Опасно такое положение дел для тех, кто не умеет различать эти источники, а то и упивается этим низменным, а таких, судя по модным веяниям, много. Прежде всего, это наше подрастающее поколение в подавляющем большинстве. На чем оно воспитывается? На туповатых комиксах-ужастиках? На виртуальных играх, приучающих к насилию? Об этом можно говорить много. Это отдельная тема.

Хочу ещё поделиться некоторыми наблюдениями, впечатлениями. Поэты и писатели! Поверьте, то, что мы пишем, отражается на наших судьбах, мы проживаем эту жизнь со своими рожденными персонажами, запечатленными настроениями, неожиданными образами.

Мои стихи во многом стали сбываться... К такому выводу я пришла. А недавно услышала признание другого поэта, барда.

Он сказал со сцены так: «Я больше не пою некоторые свои песни, потому что они почему-то начали сбываться». Случайное совпадение? Возможно.

Я не призываю бояться писать. Иначе – это уже будет не свободное крылатое творчество, но стоит помнить и об ответственности за тот энергетический заряд, который мы благословляем в жизнь. Творческих успехов всем!

- Как Ваши близкие относятся к Вашему творчеству, есть ли понимание, восхищение (Ваши произведениями нельзя не восхищаться)?!

- К сожалению, а может и к лучшему, в меня, как в поэта и писателя до сих пор не верят родные, считая, что я зря трачу силы и время на бесполезную писанину.

В последнее время меня немного стала понимать мама. Ей уже 81 год, но она у меня молодец. Помогает во всем, много читает, вчера нашла у меня даже орфографическую ошибку, за что я ей была очень благодарна.

MS Word в этом случае оказался бесполезен. Остальным же, особенно двум моим взрослым сыновьям, нужен конкретный материальный результат, чтобы признать трату времени оправданной.

А это, сами понимаете, почти невозможно. Мужу – кое-что нравится, кое-что нет. Восторгов не наблюдаю. Он с большим удовольствием читает других писателей. Но так даже лучше. Есть стимул доказать ему и всем, что и ты чего-то стоишь. Как я уже говорила, продолжаю работать.

- Светлана, благодарю Вас за интересный разговор! Удачи в творчестве, успехов, песен!!!

Ольга СЫСУЕВА (Хельга Янссон)

Светлана Тишкина

БЛИЗКИМ

Виртуозно готовишь ты ужин:
Жаришь, режешь, мешаешь салат.
Дом уютный семье твоей нужен,
Понимаешь, но смотришь в закат...

Взбив перину из розово-сизых
Облаков, солнце в них же легло -
Блик в окно, взмах ресничек игривых,
Попрошавшись, укрывшись, зашло...

Приглашаешь к столу оживленно
Дорогих и любимых своих.
Улыбаешься чуть отстраненно -
Параллельно рождается стих....

Поплыло вдоль заката сознание,
Утонуло в цветных облаках....
За столом близких душ понимаешь,
Не впервой видеть творческий взмах.

Не тобой перемыта посуда,
Темень ночи давно за окном.
Сотворивши, вернулась оттуда,
Прочитав близким стих перед сном!

ПО УЛИЦЕ ДАЛЯ

По улице Даля безлюдной бреду,
Как будто листаю обратно столетия,
Мой город сберег сквозь
огни лихолетья
С колоннами старых домов череду.

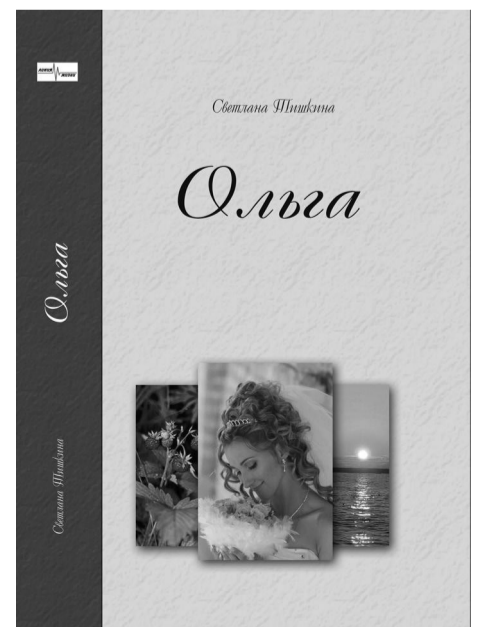
Луганск наш поселком рабочим
был встарь,
Провинции центр влек господ
для прогулок.
Сегодня – уютный музей-переулочек
Хранит повесть жизни -
Толковый словарь.

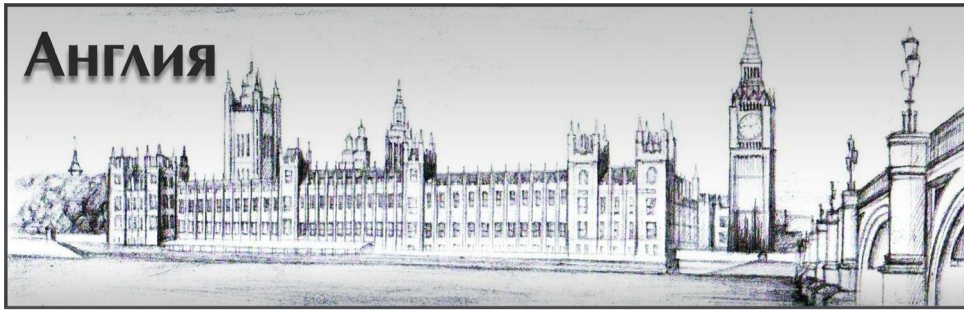
По крови датчанин стал
русским судьбой,
Собрал воедино Руси диалекты -
Народный язык,
в поколениях воспетый,
В основу собраний положен тобой.

Не яркость столиц, а провинции свет
Тебя воспитал гражданином Отчизны.
Музей сберегает тома, что при жизни
Изданы, как этнограф, писатель, поэт.

О чем призадумался, памятник-Даль?
И в камне ты светел
своим благородством.
Сидишь величаво,
с завидным упорством
Сквозь время уверенно
смотришь ты вдаль.

Кладу я цветы на крутой пьедестал.
За труд твоей жизни прими уваженье.
Ты в памяти нашей живешь
в продолжение -
По праву хранителем древности стал.

Георг Черный

Дом на Big River

Так бывает: поставишь свой дом
у глубокой реки,
а соседи — зачем-то —
вокруг понастроят мостов,
да таких, что под ними сумеет
проплыть даже кит —
по течению вниз, по течению вверх,
миль на сто.
А река вдруг возьмёт и иссякнет:
сперва обмелев,
превратится в ручей, —
в нём осёл не замочит копыт,
а затем совершенно исчезнет
под кожей полей,
пустырей и дорог, и лугов,
сикамор и раки.
И от бывшего русла останутся
только мосты,
обрастая всё больше —
лишайником, сорной травой;
и продолжают стоять —
обелисками планам пустым,
высоко возносясь над пучиной
невидимых вод, —
до тех пор, пока их не растащат:
строительный люд
очень ценит хороший,
притом даровой, материал;
а на месте мостов огороды разбить —
тоже в плюс
человеческой тле,
колорадским жукам, муравьям...
А зачем было строить, — зачем,
для кого возводить?
Те, кто строил мосты, помудрев,
убедились в тщете
иллюзорных побед над текучей
природой воды —
и отправились с миром,
оставив тебя в нищете.
Только ты всё живешь в своём доме
у быстрой реки,
непривязанный к ней, —
не заметив, что речки и нет.
Мимо окон твоих каждый вечер
несут рыбаки
свой улов, часто путая —
воду и меркнувший свет.
И река полноводна,
и просится из берегов.
Вот твой домик над ней покачулся,
как Ноев ковчег,
приподнялся и вниз к океану поплыл, —
оттого,
что ты так никогда и не задал
вопрос "а зачем?"

Пятое время года

Бог комнаты вращает крылья стен.
их плоскости несущие поют
осанну — разлетающимся тем,
кто знает, что находятся в раю.
Частицы пыли — звёздные миры;
на них живут скопления бацилл...
Мир уникален. Бог неповторим,
поскольку всех за всё давно простил.
...Я жизнь зачем-то превратил в мечту.
Неплохо, да. — Но где теперь мне жить?...
И человек, и зверь меня бежит,
бегут — луна и вереницы туч...
Я стал водой — и вылился в залив.
теперь я море, только где в нём — я?...
И вот — пришли коллеги и друзья
и множество букетов принесли.
И вдруг нашлись — и море, и закат,
и тёплый ветер сквозь ладони пальм...
И видит кто-то, кто всю жизнь проспал:
к нему течёт великая река.
И человек становится пустым.
И человек становится... — затем,
чтоб навести над вечностью мосты
и превратиться в бога этих стен.
...И небо льнёт к корням твоей травы,
и вырастает выше крыши дёрн,
и в нём лимоны молний шаровых...
Закрой глаза — и ты себя найдёшь.

Нигяр Гасан-заде

г. Лондон (Великобритания)

Накройте голубым велюром
Мне грудь соленую, как море,
Мое хохочущее горе
Накройте голубым велюром...

Мою постель в чужом доме,
Стакан, искусанный губами,
Мой след под Вашими следами
Накройте голубым велюром.

Кусочек утреннего взгляда,
Когда не помню день вчерашний,
Мой завтрак и обед бумажный
Накройте голубым велюром.

За цену моего немного
Бессмертия в котором дышит
Некоронованное слово
Накройте голубым велюром...

Не знали плечи, что корнями
В тебя вратут — в родную спину!
Однажды встретила под вечер
Свою у моря половину...

Не знали волосы, что будут
Твой лоб облизывать концами.
Ты мне - обещанное чудо,
Заговоренное стихами!

Не знала шея, что в запястья
Твои проситься будет ночью,
Что белое, как сахар, платье
Мне подойдет... и даже очень.

Что необузданное — стихнет,
Тебе на грудь — сопеть ребенком,
Что раздирающие вихри
Мои укутаешь в пеленки.

Что так молчание прелестно
И говорящие ресницы.
Что сможет дикая невеста,
Прильнувшись к мужу,
Покориться...

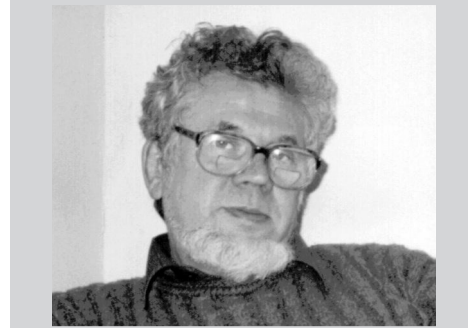
Я есть напоминание — Дышу!
Я легкие — раздетые ветрами
И Вами!

Я есть, как песня, вышитая звуком,
И словом, не растерянным в летах.
Обласканная языком и слухом,
Танцующая на устах!

Я есть напоминание себе
О прелестях, не обнятых руками
И сердцем... я в недопитом хрустале
Глоток воды, а, может быть в
стакане.

Я есть напоминание — живу!
Да здравствуют живые — Аллилуйя!
Пусть говорят: удобнее в раю...
Я на земле свой рай целую!

Санкт-Петербург

Феликс Суркис (Дымов)

Перевел все 154 сонета Шекспира
в своей авторской оригинальной
манере. Сборник всех переводов
вышел вторым изданием в 2008 году.

Феликс Дымов

4. Unthrifty loveliness, why dost thou spend
Upon thyself thy beauty's legacy?
Nature's bequest gives nothing but doth lend,
And being frank she lends to those are free.
Then, beauteous niggard, why dost thou abuse
The bounteous largess given thee to give?
Profitless usurer, why dost thou use
So great a sum of sums, yet canst not live?
For having traffic with thyself alone,
Thou of thyself thy sweet self dost deceive.
Then how, when nature calls thee to be gone,
What acceptable audit canst thou leave?
Thy unused beauty must be tomb'd with thee,
Which, used, lives the executor to be.

4. Ты, наделенный щедро от природы,
Наследство тратя, не по средствам жил,
Забыв, что красоту, залог свободы,
Ты получил не в дар, а одолжил.
Проматываешь без толку, без смысла,
Пустив на ветер лихо, как игрок,
Такие суммы и такие числа,
Что ничего не остается впрок
Ты забавляешь сам себя собою,
Ничьей любви не в силах уберечь.
Но грянет час предстать
перед судьбою —
И кто в твою защиту скажет речь?
Ты эстафету красоты прервешь —
И долг с собой в могилу унесешь.

41. Those pretty wrongs that liberty commits,
When I am sometime absent from thy heart,
Thy beauty and thy years full well befits,
For still temptation follows where thou art.
Gentle thou art and therefore to be won,
Beauteous thou art, therefore to be assail'd;
And when a woman woos, what woman's son
Will surely leave her till she have prevail'd?
Ay me! but yet thou might'st my seat forbear,
And chide thy beauty and thy straying youth,
Who lead thee in their riot even there
Where thou art forced to break a twofold truth;
Hers, by the beauty tempting her to thee,
Thine, by thy beauty being false to me.

41. Едва на миг из сердца отлучусь,
Даешь ты волю милым прегрешеньям.
Годам и красоте твоим, боюсь,
Простительно поддаться искушенью.
Ты добр — и уж заране побежден,
Хорош — и атакован лаской милых.
Любой мужчина женщиной рожден
И против женщин устоять не в силах.
Увы мне! Мог бы ты воздержней быть
И юность с красотой напропалую
Не тратить зря, разгулы сократить,
И верностью ослабить боль двойную:
Ты красотой Любовь мою пленил
И вместе с нею дружбе изменил.

52. So am I as the rich, whose blessed key
Can bring him to his sweet up-locked treasure,
The which he will not every hour survey,
For blunting the fine point of seldom pleasure.
Therefore are feasts so solemn and so rare,
Since, seldom coming, in the long year set,
Like stones of worth they thinly placed are,
Or captain jewels in the carcanet.
So is the time that keeps you as my chest,
Or as the wardrobe which the robe doth hide,
To make some special instant special blest,
By new unfolding his imprison'd pride.
Blessed are you, whose worthiness gives scope,
Being had, to triumph; being lack'd, to hope.

52. Я — тот богач, что должен охранять
Несметные сокровища земные.
Чтоб гордости своей не притуплять,
Я редко посещаю кладовые.
В календаре так мало славных дат,
И так нечасты громкие веселья.

Тем ярче драгоценности горят,
Чем реже камни в звенях ожерелья.
В ларце груди, безжалостно красив,
Укрыт ты, как наряд под балахоном,
Чтоб в редкий миг, темницу отворив,
Являть свой блеск глазам моим
влюбленным.

Когда ты рядом, радуюсь, любя,
И жив надеждой, если нет тебя.

66. Tir'd with all these, for restful death
I cry, —
As, to behold desert a beggar born,
And needy nothing trimm'd in jollity,
And purest faith unhappily forsworn,
And gilded honour shamefully misplac'd,
And maiden virtue rudely strumpeted,
And right perfection wrongfully disgrac'd,
And strength by limping sway disabled,
And art made tongue-tied by authority,
And folly, doctor-like, controlling skill,
And simple truth miscall'd simplicity,
And captive good attending captain ill:
Tir'd with all these, from these would I be
gone,
Save that, to die, I leave my love alone.

66. Зову я смерть, томимый злом вокруг,
Ужасно видеть немощных и нищих,
И алчность — гадкий общества недуг,
И вместо храмов тлен на пепелищах,
И подлость в незаслуженной чести,
И деву, принужденную к разврату,
И фальшь у совершенства на пути,
И должность, обретенную за плату,
И простоту, что хуже воровства,
И завистью клейменные народы,
И цепи на руках у мастерства,
И клеветы разгульную свободу.
Зову я смерть, душевных мук вассал...
Но я любовь ни разу не бросал.

90. Then hate me when thou wilt; if ever, now;
Now, while the world is bent my deeds to cross,
Join with the spite of fortune, make me bow,
And do not drop in for an after-loss:
Ah! do not, when my heart hath 'scap'd this
sorrow,
Come in the rearward of a conquer'd woe;
Give not a windy night a rainy morrow,
To linger out a purpos'd overthrow.
If thou wilt leave me, do not leave me last,
When other petty griefs have done their spite,
But in the onset come; so shall I taste
At first the very worst of fortune's might;
And other strains of woe, which now seem woe,
Compar'd with loss of thee will not seem so.

90. Уж если ненавидеть — начинай.
Мир на меня и так свой гнев обрушил.
Не медли, бей, ломай меня, роняй,
Но не унижь, презреньем рая душу.
Когда я сердце скорбью напою,
Не досаждай повторным наваждением
И ночь немилосердную ною
Не заменяй тоскливым пробуждением.
И мукой ожидания не томи —
Пока от мелких бед заледенею.
Уйди сейчас и траур мой возьми,
От первой боли оторопь сильнее.
Не вспомню, что печалило когда-то —
Неисцелима лишь сама утрата.

127. In the old age black was not counted fair,
Or if it were, it bore not beauty's name;
But now is black beauty's successive heir,
And beauty slander'd with a bastard shame:
For since each hand hath put on nature's
power,
Fairing the foul with art's false borrow'd face,
Sweet beauty hath no name, no holy bower,
But is profan'd, if not lives in disgrace.
Therefore my mistress' eyes are raven black,
Her eyes so suited, and they mourners seem
At such who, not born fair, no beauty lack,
Sland'ring creation with a false esteem:
Yet so they mourn, becoming of their woe,
That every tongue says beauty should look so.

127. Когда-то Свет не жаловал брюнеток,
Ценилась белокурых красота.
Но нынче в мире перемена цвета:
Теперь блондинки черным не чета.
Мы прелесть златовласок зачернили,
Мы клеим мушки, мажемся сурьмой,
Цвета природы краской осквернили
И бледнолицым объявили бой.
Моя любовь темна и смутлокожа.
Глаза, как два муаровых огня,
На крыльях черных траурник похожи
И отнимают волю у меня.
Они скорбят, и всем на свете ясно,
Ты дерзкой чернотой, Любовь, прекрасна.

I место - Игорь Истратов Скрипач

Усталый музыкант
Наедине со скрипкой.
Печальная улыбка,
Богатство всё - талант.

Смычок взметнулся ввысь
И нежно тронул струны,
С прозрачным светом лунным
Аккорды заплелись.

Душа с мизинца в гриф
По капельке стекала,
И мира стало мало,
Чтоб поместить мотив.

Скрипичный стон завис
Во тьме пустого зала,
Где эхо трепетало
И улетало ввысь...

Смычка печальный стук,
Остановилось сердце...
Упало скрипки тельце
И таял, таял звук.

II место - Александр Мещер Моя гитара

Ты извини меня за то,
Моя гитара,
Что со стены тебя давно
Я не снимал.
С тобою были мы
Прекрасной лунной парой:
Ты вся звенела,
А я тихо подпевал.
Гитара, помнишь
Наши годы золотые,
Красивых девушек
И первую любовь?
И как страдала ты со мной,
И как грустила?
Не вернуть минут счастливых
Этих вновь.
Переплелись года струной,
Моя гитара,
Тебя давно уже
В руках я не держал.
Не звучишь ты мне,
Мотивом песни старой.
Звени другим. Поверь,
Я петь уже устал.

III место - Ирина Казакова Вокализ С. Рахманинова

Наверное, падали звёзды,
Срывались с огромных высот.
Волшебные звуки, как слёзы,
Стекались на простыни нот.

Не в силах сдержать восхищенье,
Я плачу - рыдает душа.
Мне музыка - как восхищенье,
Как храм, где стою чуть дыша.

В её Бесконечности - нежность,
В просторах - Вселенская грусть.
Она, словно первый подснежник,
К которому с детства тянусь.

Божественных звуков начало
Рождает душевный покой.
Мне мира без музыки мало,
Без звуков мир будет чужой.

Итоги конкурса "Музыка души"

проведенного совместно литературным сайтом "ЧХА" и газетой "ПИ1"

I место - Лариса Коротенко Слово о песне

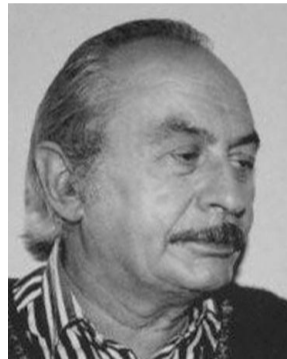
Всю свою жизнь я сожалел о том, что не дала мне матушка-природа красивого певческого голоса. Сколько счастья могла бы подарить себе и людям, выплескивая в звуках нежность, страсть, боль, восторг, переполняющих сердце. Может, потому люблю музыку особенно глубоко и трепетно. Но больше всего отзывается душа на народные напевы.

Есть что-то непостижимое в русской песне. При кажущейся простоте в ней - бездна чувств и ощущений, дивные глубина и проникновенность. Я поняла это, когда в детстве и юности слушала мамино пение. Не обладая сильным голосом, она покоряла выразительностью и одухотворенностью. Мама садилась на венский стул, тихонько настраивала гитару, а вокруг, уже зачарованные, ждали чуда мы, ее дети... Звучит первый аккорд - и реальный мир просто исчезает. «Миленький ты мой, возьми меня с собой», - плачут струны, голос, слезы текут по моим щекам. Ах, как жаль бедную обманутую девушку, и себя почему-то жаль, и весь этот мир. На секунду повисает тишина, вновь звучит знакомая мелодия, а ее

слова, будто впервые, завораживают, ведут за собой: «У Муромской дороги стояли три сосны, мой миленький прошался до будущей весны...» Будто наяву, вижу поникшую девичью фигуру, страх потери в глазах, пронзительно чувственную безнадежность ее любви. Таких грустных историй- песен знала мама бесчисленное множество. Несомненно, они повлияли на мое мироощущение, ибо даже в радости всегда присутствует грустинка. А как удивительно звучали шуточные, веселые песни! Мама вмиг преображалась: искорки смеха плясали в ее глазах, а картинка из строк заставляли и нас веселиться. Помню истории о лихих гусарах, удачливых шутах, беспечных детинушках. Может, и эти впечатления научили ценить юмор, видеть в жизни хорошее.

Особое место в моем музыкальном мире занимают кубанские напевы. Это зов крови. Род моего отца - из Запорожья, откуда пришли в наш край предки в далеком восемнадцатом веке. Кубанский говор, соединивший в одно целое украинский и русский языки, придает песне особый, ни с чем не сравнимый калорит. Раздольно и мужественно звучит «Ты Кубань, ты наша Родина». Ноги сами проснутся в пляс при неукротимо веселых песнях: «Нэсэ Галя воду», «Варэнички». Походные казачьи напевы наполнены тоской о родимом доме, плачем о павших за отчий край. Бытовые, обрядовые песни содержат в себе и историю, и поучение молодым. Такого богатства тем, мелодий, соединения музыки, слов и пластики, пожалуй, сегодня больше не сыскать.

Тихими летними вечерами плывут над родной станцией старинные песни, и отзывается им душа, паря над рекой, садами, над Вечностью...

II место - Ян Кауфман Яша - музыкант

Недавно, просматривая газету «Los Angeles Times», мне попалось сообщение: «В возрасте 77 лет в Израиле скончался известный скрипач Яков Фридман». И я с горечью подумал - сколько же ещё суждено мне вычёркивать из записной книжки своих друзей и знакомых!?

Однажды на сцену Одесской филармонии вышел отец с сыном, пианист с десятилетним скрипачом. Курчавая голова ребёнка, подбородком прижимавшая свою скрипку, покачивалась в такт исполняемого «Грустного вальса» Яна Сибелиуса.

Слушатели, поначалу недоверчиво встретившие появление юного музыканта, после первых уверенных звуков скрипки смолкли... Исполненные им «Мазурка», «Романс для скрипки», «Полонез Огинского» заворожали всех виртуозностью исполнения и чистыми глубокими звуками скрипки. Было ощущение, что музыка парит в воздухе и, оторвавшись от земли, переносит всех в иной неведомый мир.

Когда в финале концерта смычок замер, люди, словно очнувшись, продолжительно зааплодировали. Это был один - единственный концерт маленького скрипача.

Спустя три месяца Одессу оккупировали румыны и немцы. А уже в конце октября на окраину города, в район Слободки, под охраной немецких солдат потянулись вереницы евреев, где по приказу военного коменданта было создано гетто. Взрослые несли с собой в узелках и корзинках самые необходимые вещи, дети - любимые игрушки.

Маленький Яша шёл со своими родителями, держа в руке драгоценную ношу - скрипку в футляре. «Ой, умора! Никак нам еврейский Паганини пожаловал!» - заржали немецкие солдаты у ворот.

На ночь всех загнали в холодные бараки, бывшие раньше свинарниками, вдоль стен стояли деревянные, наспех сколоченные двухэтажные нары. От непривычного холода, зловония, в предчувствии чего-то рокового никто не спал. Ранним утром всем взрослым было приказано выйти на площадь и построиться в колонну. Брать с собой было разрешено только детей до пятилетнего возраста. Прощание было коротким, плач детей и матерей слился с гортанными окриками солдат и лаем собак. Колонна пешком отправилась на Пересыпь, а потом поездами в Беляево, откуда уже никто никогда не вернулся.

Так сотни детей разного возраста остались одни. В последующие дни, как нарочно, похолодало и, особенно ночами, дети мёрзли. Начались массовые заболевания. Больных детей полиция выводили из барака в неизвестном направлении, и они уже не возвращались. Начинился голод, потому что немцы кормили детей жидкой гороховой похлёбкой один раз в день.

Однажды к Яше подошла девочка лет пятнадцати, с которой он раньше учился в школе.

«Яша-музыкант! Сыграй что-нибудь для всех», - попросила она. Яша вытащил скрипку, встал, словно на концерте в круг уже отступившей его детворы и осторожно провёл по струнам смычком.

И вдруг в полутёмном бараке робко зазвучала мелодия венгерского

III место - Микаэл Абаджанц Поющая ваза

Вид вазы поражае. На деревянной полке музейного запасника стоял бесформенный флакон из мутного, плохо просвечивающегося стекла со множеством каких-то включений. И почему профессор называл этот флакон вазой, я никак не мог себе уяснить. Он говорил о том, что это, пожалуй, величайшее открытие в археологии, потому что нигде в мире, кроме как

в Армении, больше было не найдено предметов из стекла такой древности. Состав стекла также говорил о том, что ваза не была привезена откуда-то, а древний мастер ее выдул из песка, взятого с берегов Севана. Господи, неужели технологии были тогда так несовершенны! Но в самой бесформенности вазы, в неправильности ее пропорций мне виделась ясная человеческая мысль, гениальное озарение человеческого разума. Я все пристально вглядывался в сосуд, пытаюсь рассмотреть, что же в стекле не растворилось. В стекле что-то мерцало и поблескивало то серебром, то золотом, были видны беловатые осколки маленьких спиральных раковин и еще какие-то черные включения. Профессор сказал, что ваза что-то около 5000 лет. Потом он стал говорить о христианстве. О том, чтобы очистить от скверны человеческую душу, людьми была создана целая религия, строились громадные сооружения-церкви, придумывались обряды. Но древний мастер решил вопрос гениально просто. Да и человеком ли он был в нашем понимании? Может, он был древним пророком или мессией. Ведь и сейчас непонятно, как ваза воздействует на человеческую душу. Эффект ее воздействия совершен-

«Чардаша». Постепенно движения смычка становились всё увереннее, и музыка зазвучала громче, хлынув на маленьких слушателей рекой.

Неожиданно к столпившимся ребятам подошёл немецкий охранник и знаками приказал музыканту следовать за ним.

В большой комнате за столом, уставленным едой, сидели несколько немецких офицеров.

«Мне сказал, ты кароший музыка, - обратился к нему пожилой немец, по-видимому, комендант, с трудом подбирая русские слова. - Я люблю скрипку. Икрай нам тут!»

У Яши от запаха и вида пищи кружилась голова и дрожали руки. Он по-детски, не скрывая, глядел на стол.

«А, ты наферно хочешь кушать?», - спросил немец.

Другой офицер усадил маленького музыканта в самый конец стола и подвинул ему хлеб, колбасу, сыр и стакан сока. Яша торопливо кусал и жевал, но проглотить никак не мог.

Поняв, что от него хотят, Яша выпил сок, достал из футляра скрипку, и зазвучала его любимая мазурка Венявского. Потом он сыграл ещё что-то жующим немцам.

«Ты малатец. Карашо икраеш. Не нато толко Феняского, этого еф-рея».

«Мой папа мне как-то сказал, что у музыки нет национальности. Мы с ним играли всякую музыку», - ответил мальш.

«Талантливый мальчишка. Его отца уже успели отправить?» - спросил пожилой немец по-немецки.

«Так точно, гер полковник, ни одного взрослого еврея в лагере не осталось», - ответил ему другой.

«Ну, хорошо. Пусть пока еврейчик поиграет в нашем кафе. Пускай там и поживёт, отправить его к отцу всегда успеем», - решил полковник.

В барак Яша-музыкант уже не вернулся. Что стало с оставшимися там детьми - можно только догадываться...

С тех пор он вместе с пожилым пианистом, Петром Григорьевичем, украинцем, веселил вечерами в кафе немецких и румынских солдат. И хоть солдатам нравилась его не по годам виртуозная игра, но это не мешало им издеваться в репликах над маленьким скрипачом.

Полковнику, с его утончённым слухом, нравилась спокойная музыка Сарасате. Она вызывала у него временами даже душевные переживания, напоминая о спокойной неторопливой жизни в уютном домике под Берлином с любимой женой.

Между Яшей и дядей Петей (как звал он Петра Григорьевича) сложились тёплые, почти родственные отношения. Старый пианист сразу оценил талант юного скрипача, а узнав откуда-то о судьбе его родителей, старался всячески облегчить его существование и отвлечь от грустных не по годам дум.

Петр Григорьевич понимал, что дальнейшая жизнь мальчика находится под постоянной угрозой, и сумел переправить его в катакомбы к партизанам.

Война для Яши закончилась в марте 1944 года, когда советские войска освободили Одессу. Тогда, к сожалению, он узнал, что дядю Петю немцы расстреляли, обнаружив, что это партизанский разведчик.

Потом была насыщенная, но нелёгкая жизнь - детский дом и постоянная учёба и работа над собой - желание добиться совершенства в игре на скрипке, глядя на мир через музыку.

Я брал у него интервью ещё в 1956 году, когда на «Конкурсе композиторов и скрипичных мастеров» в Польше, исполняя «Концерт для скрипки D Minor Op.22», Якову Фридману было присуждено I место.

Нет, не могу я вычеркнуть его из записной книжки. Пусть он так и останется в моей памяти живым Яшей-музыкантом.

но непонятен. Еще можно объяснить какими-то научными методами, почему ваза издает прекрасные звуки... но почему для каждого человека они разные, неповторимые, воздействующие только на него одного. Возможно ли такое вообще сотворить человеческими руками? Почему вазу время не разбило на грубые осколки, не обратило опять в песок, из которого она была создана. И почему она была найдена только теперь? Ответов не было, однако ваза жила своей жизнью, манила и притягивала. Я не мог оторвать от нее взгляда, точно в ней было спасение моей души, ее очищение. Профессор взял бережно в руки вазу, подумал немного, а потом протянул ее мне. Стекло ваза была кое-где шероховатой, а где неровной, словно гладь озера, с берегов которого был отобран для нее золотистый песок. И по совету ученого ядохнул на горлышко вазы... совсем чуть-чуть, едва-едва. И ваза отозвалась... Отозвалась мелодией самой прекрасной, какой я только слышал. Мелодия была простой, но поражающей воображение. Это было неожиданно прекрасно. Она затихла не сразу, всколыхнув самые недра моей души. В моей памяти воскресли самые затаенные детские обиды, которые я и не помнил вовсе. Мелодия прощала, как прощает тебе все, в конце концов, мать... Я увидел родительский дом, живых и здоровых родителей, которые были веселы и жизнерадостны. Промчались школьные годы, пронеслись в душе воспоминания о страшных муках юношеской неразделенной любви. Прошла вся моя жизнь со всеми ее ошибками, в которой все теперь полилось раскаянием, а следовательно и неизбежным прощением... И я чуть было не заплакал, словно маленький мальчик, настолько прекрасными были звуки этой мелодии. Зачем-то я старался запомнить эту мелодию навсегда, навеки, на всю жизнь, чтобы в схватке со смертью, в самой агонии ее снова услышать. Но она затихла в глубине сосуда, и я уже ее не мог вспомнить. Снова подышать на горлышко мне уже не хватало сил. Такое сызнова было невозможно услышать и пережить. Это бы означало предать само воспоминание об этой мелодии... Да и делать это было незачем, ведь мне уже все простилось...

Евгения Босина

*Памяти
Андрея Вознесенского*

**В первую ночь наступившего лета,
В миг возгоранья высоких Плеяд
В тайное Общество Мёртвых Поэтов*
Призван и принят был новый собрат.**

**Бледен. У рта эти горькие складки...
Впрочем, пустяк — отболит, заживёт!
Жутко ли, весело, горько ли, сладко —
Будет отмечен собрата приход!**

**Свечи пылают, собрание в разгаре.
Кто-то в сторонке дописывал стих.
Кто-то негромко играл на гитаре.
Спорили, пили, жалели живых.**

**В шуме и гаме, в цветной круговерти,
С добрым вином поднимая бокал:
«Где всё же грань между жизнью
и смертью?» —
Спрашивал он и ответа не знал.**

**Что-то вскипало в небесных ретортах,
Звёзды срывались и падали вниз —
В тёплые руки.
И не было мёртвых —
Только смертельно
влюблённые в жизнь!**

**Спрошено, сказано, выпито, спето...
Ветер июньский к рассвету затих.
Ночь напролёт принимали поэта
В тайное Общество Вечно Живых.**

*«Общество Мёртвых Поэтов» («Dead Poets Society») - фильм, снятый режиссёром Питером Уиром в 1989г.

Ирина Явчуновская

Вечер

Улетая, тают стаи,
Стынет синь, цикады звон.
Сумерки, с высот свисая,
Застылают небосклон.
Лунных льдинок отражение
В леденящей глубине,
Ледяной тропы скольжение
По лоснящейся волне,
Силуэты, струн смятение
В незашторенном окне.

Время падает на плечи.
Ночь не ждёт, уходит год.
Вечер...
Но ещё не вечер,
Потому что жизнь идёт.

Юрий Лейдерман

Не вечный бой, а вечное сомненье:
Остановить прекрасное мгновенье.
На улице, на море, на реке
Молитвой или пальцем на курке.
Пролить на холст небесной краски нимб
И жить в холсте, и умирать над ним.
И рифмовать, и слушать пенье птиц,
Плыть на плоту из вырванных страниц...
К Земле, а там растёт стихотворенье
Из глины твоего, Господь, сомненья...

За последние несколько десятилетий в Израиль приехало почти полтора миллиона бывших граждан СНГ. Эти люди привезли с собой на землю обетованную русский язык и русскую культуру.

В 1990 году в Хайфе начала работать литературная студия «Анахну» (в переводе с иврита — «Мы»). Сюда приходят люди разных возрастов. У них неравный жизненный опыт, разные политические взгляды, несоразмерный образовательный и общий культурный уровень. Вместе с тем, всех их объединяет любовь к художественной литературе и тяга к творчеству. «Анахну» стала той «Зелёной лампой», где встречаются любители русской изящной словесности города Хайфы и окрестностей, чтобы почитать друг другу свои новые стихи, обменяться опытом, выслушать дружескую критику. Студийцы часто печатаются в израильских и зарубежных периодических изданиях. Среди студийцев — пять членов Союза писателей Израиля и несколько победителей международных поэтических турниров. Впрочем, лучше всего о литературном уровне говорят не призы и дипломы, а сами произведения.

На протяжении первых восемнадцати лет студию возглавлял известный литератор и педагог, ветеран Отечественной войны, полковник в отставке Иосиф Вул. По состоянию здоровья Иосиф попросил освободить его от этой нагрузки. Сегодня студией руководят два члена Союза писателей Израиля - Юрий Лейдерман и Марк Тверской.

Студийцы с благодарностью приняли предоставленную возможность познакомить читателей газеты с небольшой подборкой своих новых стихотворений.

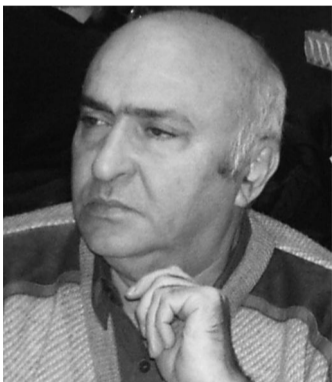
Марк Тверской

Семён Гендель

Симфония любви

Окружён я миром симфонии
В ритме джазовых полутонов,
В разноцветных звуках гармонии
Из волшебных несбывшихся снов.
Я хотел бы открыть твоё сердце
Серебристым скрипичным ключом,
Чтоб на крыше весёлое скерцо
Было сыграно нам скрипачом.
А потом прикоснуться губами
К мундштуку золотистой трубы,
Чтобы слышен был над облаками
Блюз гармонии нашей судьбы.
Серенаду о нежной долине
С орхидеей, цветущей в снегу,
Подарю тебе на клавишине,
Если сердце открыть я смогу.

Марк Тверской

История с именами

Согласно библейской легенде, апостол Павел, еврей средиземноморской династии, урождённый Савл, был обезглавлен в Риме.

У евреев принято давать имена
В память об умерших.
В этом есть смысл.
Вот бегают девочка Зина, она
Носит имя покойной бабушки Зисл.
Умер дедушка Барух, и вскоре
Дочка Баруха сыну даст имя Боря.
Память бабушки Малки
семья сохранила,
И внучку Малки назвали Мила.
В диаспоре не меняется
еврейская ситуация:
Имена крадут у себя
и себя стесняются.
Видно, забыли о том,
как Савл стал Павлом,
И как от руки императора пал он.

Марина Симкина

Из белого, целого...

Из белого, целого — из абсолюта —
Носик проклюнулся, — чудо минуты...
А нам это чудо уже не ново:
Вчера и сегодня, и завтра снова!
Для нас эта новость — уже не чудо:
Простой переход: сюда — оттуда.
Видели, слышали, кушали, знаем —
Просто по осени посчитаем.
А что не понять ни за что, никогда —
Свой переход: отсюда — туда.

Михаил Левин

Печаль моя светла

Светало медленно,
Свистел рожок луны...
Туманы таяли,
Трава из пелены
Пробилась
Неожиданно и звонко.
Деревьев образы
Причудливы и тонки,
Дыханием росы окроплены.
Но сон ещё нагуливает вес,
Так, не спеша,
Хотя прошло мгновенье,
И даже не прошло ещё, и лес
Нарастивает кольца безвременья.
В тот лунный час уже прозрачна ночь
На взлёте век,
когда в века иные
Уходит время царственное прочь,
Перетекая в кольца годовые.
Никто живой
Не уловил тот миг...
Ни крыльев взмах,
Ни эха нервный крик,
Ни в озеро
Глядящая ветла,
Ни этот стих...
...печаль моя светла...

Елена Текс

**Счастья крохи своровала
Я у жизни со стола.
Не подумала сначала,
Чёрту душу продала.**

**И встревоженною птицей
В окна постучал рассвет...
Только миг была царицей,
Миг прошёл — и счастья нет.**

Мария Фердман

**Из ненаписанных стихов
Ко мне в окно влетела стайка.
С укором и без лишних слов
Они сказали мне: “Лентяйка”.**

**А я держу в руках утюг,
С утра варю супы и каши,
И всё бывает недосуг
Взять чистый лист и карандашик.**

**Вся жизнь в заботах и возне,
Я утомилась до предела.
Стихи мои, простите мне,
Что записать вас не успела.**

Эдуард Фишер

“Розинсын”

Городок небольшой в Подмоскowie.
Среди Колек, Серёжек и Вань
Имя “Изя” шархнуло новью,
Как, наверное, слово “Тайвань”.
В городке —
До заборинки русском —
Имя странное резало слух,
И оно, будто семечки лузгало,
Застреляв в зубах у старух.
И когда проходил я слободками
То ли в школу, а, может, в кино,
Я культурно здоровался с тётками,
Зная всех поимённо давно.
Видно, с “Изей” у тёток не ладилось
(То ли дело своя ребятня!)
И, нарушив имённое правило,
“Розинсын” называли меня...
Нет мамы давно, да и тёток нет.
Но, приехав в край старых рябин,
Услыхал я, как бабка сказала вслед:
“А мужик, вроде бы, Розинсын”...

Израиль

Бомжи, или жизнь одного подвала

И обратился я, и видел под солнцем, что не проворным достается успешный бег, не храбрый - победа, не мудрым - хлеб, и не у разумных - богатство, и не искусным - благорасположение, но время и случай для всех их. Экклезиаст.9.11.

ПРОЛОГ

Умный человек не кичится своим положением в обществе, богатством и прочими благами. Понимает, под Богом ходим, от дурных людей не застрахованы, как и от болезней, немощи. Жизнь переменчива...

Шесть историй, объединённые между собой, сочинены мной, автором, не в назидание и не для того, чтобы сгустить краски, испортить кому-либо настроение, лишиться душевного комфорта, а лишь по велению сердца, из сострадания к исковерканным судьбам...

Сегодня мы на гребне волны, а завтра... завтра возможно всякое...

- Народ, кто и когда видел Тоньку последним? Куда она подевалась? -

В ответ - тишина

«Тонька» - так называли семидесятилетнюю женщину местные бомжи. Вряд ли кто из них интересовался её возрастом, свой не волновал, как, впрочем, не только он.

Тонька прибилась к их стае, появившись непрошеной гостьей в конце лета, прокашляла всю осень, а зимой исчезла...

Историю её жизни знали. Но мало кого она затронула, своих бед не счесть...

...Тоня рано вышла замуж, ещё во времена студенчества. И она, и её муж с пылом, присущим молодости, преподавали в разных школах большого индустриального города физическую культуру. Пытались изменить отношение учеников к своему предмету.

Муж организовал баскетбольную секцию. Увлёкся, ездил с ребятами на соревнования, кого-то где-то они побеждали. Потом сник, потерял интерес и к жене, и к презренному образу жизни.

Однажды, придя с работы, не застала мужа дома. Ждала, объявляла в розыск. Тревожилась: почти все его вещи остались висеть в шкафу. Исчезли - походное снаряжение да старая спортивная сумка.

Много позже дошли слухи, будто бы возвратился он к вере предков-старообрядцев.

Она отыскала его. Но увидела незнакомого человека. Поговорили. Пообещал вернуться в город, привести их общие дела в порядок, развестись. От прав на квартиру отказался.

Ни квадратные метры, ни женщина, сидевшая напротив него, ему в его нынешней жизни не были нужны. Это была их последняя встреча. Он не приехал...

Так и прожила она долгие годы в одиночестве. Новые отношения не заводила. С соседями чаи не гоняла, душещипательных разговоров не вела, но была готова помочь, чем могла. Сама же ни у кого ничего не просила.

Сорок лет исполнилось. Судьба, шутница, к этой дате подарок приготовила: в школу, где она по-прежнему преподавала физкультуру, поступил на работу бывший военный. Жена его умерла в самом начале их семейной жизни. Растил дочь один. Приводил в дом женщин, но ни одна девочке не приглянулась.

Теперь у него ни перед кем не было обязательств. Лишь перед собой. Его малышка давно выросла, получила образование, вышла замуж. Удачно. Обеспечена. Растит сына. Она специалист по ландшафтному дизайну. От заказчиков отбоя нет. Но не перерабатывается, муж не велит, бережёт её, на сына не надыхнется.

Взрослея, дети отходят от родителей. Таков закон природы. Но его дочь всегда держалась отчуждённо. Ни ласки, ни внимание отцовское ей не ценились. После замужества общение и вовсе прекратилось. Он не стал выяснять, что да как, просто жил с затаённой болью.

Судьбы двух, случайно повстречавшихся людей, объединились, став одной. Прежние квартиры продали, взамен купили общую, небольшой площади, но в тихом районе: и удобный транспорт, и ухоженный парк с тенистыми аллеями, и полубившаяся скамья рядом с маленьким прудом.

Выйдя на пенсию, ещё больше времени стали проводить на свежем воздухе. При любой погоде выбирались за город на стареньком «Жигулёнке». А что ещё нужно было двум молодым людям?!

Сослуживец и друг мужа, уезжая к дочери в Канаду, по смехотворной цене продал дачу. Ничего особенного там не произрастало, но в домике руками бывшего хозяина был мастерски сооружён камин, благодаря чему и зимой они подолгу не возвращались в городское жильё, где их никто не ждал.

Двадцать пять лет вместе. Годы счастья пролетели незаметно. Любили друг друга, жалели, не жили, но не поженились. То одно мешало, то другое. Казалось, их отношения вечны.

Однажды утром муж не проснулся. Лёг вечером спать в отличном настроении. А утром

она не смогла его разбудить. Так было, случилось...

Сообщила дочери и внуку. Побыли втроём на кладбище. Разъехались. Она осталась наедине с безутешным горем.

Как-то, вернувшись из магазина, заметила в комнатах беспорядок, не придавала значения.

А в один из дней не смогла войти в свою же квартиру - вместо обычной двери стояла железная, а её личные вещи, малая толика, валялись на полу.

К тому времени из бывших соседей никого не осталось, кто-то переехал, уехал, покинул сей мир навсегда.

И поговорить, посоветоваться не с кем. Туда пошла, сюда ткнулась, везде один ответ: у квартиры законные наследники, а Вы, Дама, никто. Поняла, за всё заплачено. С кем тягаться?!

Решила отсидеться на даче, перевести дыхание, успокоиться, привести мысли и чувства в относительный порядок, а там ждала новая беда. Их райский с мужем уголок был выставлен на продажу.

Вернулась в город на электричке, не заметила, когда и как из сумки исчезли документы и последние деньги.

... - Народ, кто и когда видел Тоньку последним? Куда она подевалась? -

В ответ - тишина...

Бытует мнение: в бомжи попадают люди из-за беспробудного пьянства, бывает, но не всегда...

- Дипломат, ты чо, не слышишь, уши разом позакладывало?! Я ж к тебе, зараза, чтоб ты издох, говорю! Чо принёс, докладывай? - доносится из глубины подвала скрипучий, ненавистный Клавкин голос.

Дипломатом нарекла его местная публика. Своего настоящего имени старался не вспоминать, приобретённое устраивало.

В их подвале, а прибулдился он сюда года три назад, часто вспыхивали ссоры: и мелочные, и серьёзные, начинавшиеся с пустяка, а заканчивавшиеся кровопролитными разборками. Иной раз ему удавалось погасить накал страстей, подогреть выпитым одеколоном, палёной водкой или остатками пойла, у которого и названия нет.

Сам не пил, головой маялся.

Это он, Дипломат, разыскивал Тоньку, выспрашивал, видел ли кто её.

Жалел пожилого человека. Холодными ночами тряпками укрывал, пытался согреть немощное тело. Душе помочь не мог.

Роясь в мусорных баках, пытался отыскать хоть какое-нибудь лекарство для облегчения надсадного его кашля. В этом знал толк, из семьи медиков. И не простых, светил. Сам же когда-то давно был подающим надежды скрипачом. Не вспоминает, зачем тревожить прошлое.

Позже других возвращался в подвал. На улице ему приятно находиться в любую погоду. Лучше, когда солнечно. Кому-то дождь, снег досаждают, а ему не мешают, привок.

Он везучик, мог бы умереть, а живёт. И неплохо. И радоваться умеет дню прожитому. И место у него своё «рабочее» имеется - два мусорных бака, и не в трущобах, а рядом с высокой, элитным домом. Чего только он там не находит: и конфеты, и мясо в вакууме, рыбу, конечно, всё это с помойки, но организм попривык.

Бывало и мыло приносил, и шампуни разные, выброшенные нерадивыми хозяйками.

В его нынешнем жилище всё стоящее выменивается за пределами подвала на вышивку. О чистоте тела и душевной давным-давно позабыто. За всеми «находками» зорко следит злобная старуха Клавка. Иной раз он не улавливает, что она, шамка пустым ртом, желает сказать. Смешат её «итить», «вонна». Хотя матерные слова понятны без перевода. Брань и проклятия сыплются из неё во все стороны без продыха. Несчастливая она, Клавка эта, несчастная...

Раньше его бы от невыносимого шума, постоянного брани, вонни, стошнило бы. В той, другой его жизни, чуткий слух скрипача не выносил и комариного писка.

Когда же было это «раньше»? Несколько лет прожил в неведении, кто он и откуда родом. И был счастлив, по-своему...

Случайная встреча с бывшей соседкой, она окликнула его по имени, вернула в прошлое. Вспомнил сестру Алю, гостеприимный их дом, родителей.

Его, Максима, они родили по молодости, а Алю - ближе к старости. Разница между детьми почти в двадцать лет. И он, и все остальные любили маленькую пухленькую девочку, не замечая, как вседозволенность губит её, превращает в монстра.

Семьёй он не обзавёлся. Слишком увлечён был музыкой. Она жила в нём с детства, была единственной страстью. Он знакомился с предполагаемыми невестами, его знакомили, не сложилось...

Мать, а потом и отец, один за другим тихо отошли в мир иной. Он тосковал, а Аля - не заметила утраты. Гулянки, тусовки, пьянки.

Возвращаясь из очередных гастролей, часто не мог попасть внутрь квартиры. Соседи жаловались на несносное её поведение. Он пытался, как мог, вразумить глупую.

Она отвечала криком и угрозами. Возможно, именно родная сестра и устроила то нападение, после которого он оказался в реанимации, потом было много больниц, в конце - психушка...

Из больницы он всё-таки вышел. Скорее, выполз. Но Музыка покинула его. Умерла она, а вместе с ней и он.

Аля исчезла. Никто её не видел. В их совместной квартире, на законных основаниях, ему было предьявлено с десяток документов, поселились незнакомые люди.

Куда подевались личные вещи, мебель, старинный фарфор, собираемый родителями на протяжении всей жизни, а он им в этом помогал, кто продал при нём, ещё живом, квартиру - узнать не удалось.

Скитался, потом прибилась к этому глубокому вонючему подвалу. Один из бомжей помер, и ему, Дипломату, достались его контейнеры с мусором, жизнь продолжалась...

- Дипломат, ты чо, не слышишь, уши разом позакладывало?! Я ж к тебе, зараза, чтоб ты издох, говорю! Чо принёс, докладывай? - доносится из глубины подвала скрипучий, ненавистный Клавкин голос...

Не всё, что видим собственными глазами и слышим собственными ушами есть истина...

- Клавка! Бабка! - И так целый день...

Дурачьё! Ей всего-то пятьдесят, ну, может, с небольшим довеском, а они «бабка!» Жаль, не видели прежней.

И разговаривать «правильно» не хуже других умеет, вернее, умела. Видит, как Дипломат морщится, её слышав. А что знает он о ней? Ничего. А брезгливости с океан.

Наблюдала, как Тоньку доходягу укрывал, оберегал, музыкант и Ларку, кому теперь нужна её дешёвая любовь, успокаивает, мол, наступят ещё хорошие времена. А та слушает, верит.

Слепому мужику - прибуде палку на свалке нашёл. Ко всем спешит, а её игнорирует.

Ох, Клавка, ревнуешь, злишься, никому ты на этом свете не нужна.

А музыкантом он был настоящим, и целовеком хорошим остался: всем помогает, делится тем, что имеет, ищет сестру свою, подлую. И откуда в нём благородство?!

Видит она, как коробит его от чужой злобы и ненависти, как противны ему словечки типа «жиды», «черномазые», «айзеры»... Знал бы он, что и ей мерзко бывает, обратился бы вниманием? Вряд ли...

А как играл! Слышала его игру в городском парке в той, другой жизни, тысячу, миллион лет назад.

Рыдала скрипка. И она, Клавдия, жена и мать, уважаемый человек, плакала. Возможно, от счастья: рядом с ней в тот чудеснейший из дней находились двое самых дорогих людей - муж и сын.

Вернуться бы хоть на мгновение в ту благодатную пору, обнять их, прижать к себе, и говорить, говорить о любви.

Или упасть бы на колени и просить у Бога, Судьбы милости к ней, к ним. Или...

Ничего не осталось, всё разрушено.

А как хорошо жизнь начиналась: она, тихая деревенская девчонка, приглянулась студенту, приехавшему вместе с однокурсниками в их село на сельскохозяйственные работы из многомиллионного города.

Свела жизнь не с баловником, а с человеком порядочным. Запомнилось их знакомство до мелочей: парень близоруко шурил глаза, с увлечением рассказывая об учёбе, друзьях.

Ей всегда нравились люди в очках. Они казались умнее других, значимее. А он таким и был.

Ничего не обещал, уехал, но спустя год вернулся за ней. Родителей своих не послушался, женился. С ними общался, жену им не представил. Возможно, они и не захотели знакомиться, стыдились сыновнего выбора. Решил единожды за всех: пусть престарелые родители живут по-своему, нечего им пересекаться, будут ссоры, выяснения отношений.

Помогал им, чем мог. Она не препятствовала. Авторитет мужа признавала во всём.

Поселились в частном домике на окраине города у милой старушки. Заняли одну комнату, во второй хозяйка проживала. Со временем стали одной семьёй. Родился сынок. Бабушка нянчилась, как с родным внуком. Одинокая, она привязалась к ним, а они к ней.

Шло время. Сын подрастал. Клава окончила бухгалтерские курсы, устроилась в небольшую фирму. И муж работал по специальности. Старая женщина, приютившая их, умерла.

Искали новое жильё. Но их ожидал приятнейший из сюрпризов - дарственная на дом.

Всего две комнатки, маленький садик, крошечный огород, но теперь всё это своё. Сердце пело.

Кое-кто из знакомых жаловался на мужей, жён, детей, нехватку денег, кризисы семейные и мировые, а ей всего доставало, в любви жила... до того чёрного воскресного дня...

Она ждала возвращения мужа и сына с прогулки. У них был свой путь: ранним утром на велосипедах доезжали до небольшого водоёма, купались, загорали, если позволяла погода, а к обеду возвращались. А дома в прохладе

подждал вкусный обед, и её бесконечная к ним любовь. В то жуткое утро своих любимых не дождалась...

Как могло случиться, как так вышло, не понимала она этого ни тогда, ни сейчас, что в одночасье осталась одна: сынишка с разбега прыгнул в воду, ударился головой о корягу, умер мгновенно. Отец не поверил в несчастье. Ему, на глазах у немногочисленных отдыхающих, стало плохо, «Скорой» не дождался, поспешил вслед за своим ребёнком.

Окутала её тьма, непроглядная, вечная...

Клава не задавала вопроса, как жить дальше. Решение приняла во время похорон: сжечь и себя, и дом. Как только закончится поминальный срок.

Ходила на работу, жить-то как-то надо было, и ждала своего часа.

Незадолго до трагического события, оборвавшего одним махом жизни всех троих, наконец-то решились они на достройку комнаты для сына и веранды, будет, где чаи летними вечерами распивать, а во дворе захотели соорудить летнюю кухню. Думали и весь дом обложить кирпичом. Но сразу же от мысли такой отказались: брёвна, хоть и почернели, но были в прекрасном состоянии, во всём выделась опытная рука безымянного мастера.

Она вспоминала, сколько велось разговоров, как хотела её семья дознаться, кому до старушки принадлежало подворье, не получилось узнать. Текущие дела, повседневные заботы не позволили осуществиться многим планам.

А теперь не было ей дела ни до дома, ни до его славного или позорного прошлого.

Кирпичи, ожидавшие начала строительства, понемногу исчезали. Не волновало. Всё в прошлом - мечты, надежды и завтрашний день, которого никогда не будет...

И пришла, наступила та ночь, и совершила она всё, как задумала, да случайные прохожие помешали. Её, серьёзно обгоревшую, выволокли на улицу, а дом спасти не удалось.

Потом было всякое: и больница, где сердобольный врач выяснял у неё, бесчувственной, болят ли ожоги, забыв уточнить, о каких именно идёт речь, и потеря работы, и скитание по улицам, пьянки с такими же никому не нужными, как и она, отбросами общества, драки, в которых почти все зубы потеряла.

За украденную в магазине бутылку вина избита была до полусмерти, взять-то с неё нечего, но не умерла, оклемалась на свежем воздухе, живучей сверх меры оказалась. Много чего с ней приключалось. Вспоминай, не вспоминай - изменить ничего нельзя.

В подвале дома, предназначенного под снос, земля частному лицу продана, об этом узнала от участкового милиционера, которому исправно платит, а то бы все давно на улице оказались, обитает давно. Может, год, два, десять, какая разница, все дни похожи один на другой. Если и отыщутся различия, то только в том, сколько еды и выпивки, вернее, пойла, на покупку чего-то достойного денег не хватает, приходится в тот или иной вечер на одну загубленную душу...

Глушцы, кричат, злятся на неё, а без неё бы пропали. Заставляет их дрова собирать, вещи найденные ей отдавать. Она их женщине одной передаёт. Та отстирывает, придаёт им сносный вид и в ларёк на базар относит к знакомой продавщице.

Она, Клавка, могла бы так и с продуктами поступать, попадаясь в красивых ярких упаковках, а на базаре люди ушлые, умеют из ничего деньги делать, но на это не пойдёт, ещё не совсем совесть пропята! Могут ведь обнищавшие родители детям своим купить, а те отравятся, бедняги.

Прибилась к ним новое несчастье - Хава. Дипломат её на лавочке в сквере увидел, лежит, не шевелится, думал, мертва, ошибся. Привёл в подвал, разговорить попытался. Из бормотания невнятного понял - сынок любимый расстарался. Мамаше подсунил какие-то бумажки на подпись, а теперь по Европам скачет. А, может, в ином месте жизнью наслаждается. А она у них осела. А народа здесь и так переизбыток.

Старушка как будто не в себе. К стеночке прислонилась, с пола не поднимается, что-то шепчет, покачиваясь. Кажись, молится. Иногда испуганно оглядывается, не понимает, что с ней и где находится. И тогда сына зовёт. А к ней артист бегом, прижимает к себе, редкие седые волосики поглаживает. Ближе подошла, услышала - Дипломат сказками успокаивает. И ей тоже немощную жаль...

Нет, её солнышко, её сыночек, никогда бы так не поступил... Больно, щемит внутри, а думала - мертво...

Очень скоро разгонят их. И взятки не помогут. Дом снесут, новый хозяин магазин строить будет.

Уехать бы куда глаза глядят. Выбраться бы и из подвала, и из жизни этой. Да вместе с Дипломатом, пусть и на край света. И начать всё заново...

И этих прихватить, им без неё и музыканта не обойтись...

- Клавка! Бабка! -

И так целый день...

Окончание в сл. номере
Вера ЗАЙДЕЛЬ

Юрий Юрченко

Поэт, драматург. Родился в 1955 году, в Одессе. Учился в Школе-студии при МХАТ. Окончил Грузинский государственный институт театра и кино им. Шота Руставели; Литературный институт им. А.М. Горького (семинар поэзии Евг. Винокурова и сем. поэт. перевода Льва Озерова). Работал актером в театрах Тбилиси, Хабаровска, Владивостока, Москвы, Играл центральные роли в пьесах А. П. Чехова, Е. Шварца, А. Брагинского, Ж.-Б. Мольера, Ж.-П. Сартра. В 1989 году выехал в Германию, с 1992 года по настоящее время живет во Франции. Играл в театре на французском языке, снимался на французском TV. Дружил и сотрудничал с Алексеем Хвостенко (Хвостом), играл в спектаклях по своим пьесам и его пьесам в легендарном театре-клубе «Symposion» (Париж). Окончил аспирантуру в Сорбонне – Université Paris III Sorbonne Nouvelle (тема: Русский поэтический театр. Истоки). Пьесы Юрия Юрченко ставились в музыкальных и драматических театрах Германии, Франции, Украины, России (в Москве - в театре Маяковского, в театре на Малой Бронной, в театре «АпАрте» и в др., в антрепризе), были представлены на международных театральных фестивалях (Авиньон, Мобез и др.). Автор восьми книг (стихи, пьесы в стихах).

* * *

У черных сопков на плечах
Высоко, в желтых зернах,
Косяк о чем-то прокричал
И пролетел к озерам.

Не греет старенький тулуп –
Бревно в огонь подвинуть,
И речка с именем Кулу
Себе подпалит спину.

...Два перелета до зимы –
Один глоток до точки
(И мысли все удалены,
И каждый жест отточен...)

Погас костер, дождем примят,
Уводит ночь заставы,
И где-то выстрелы гремят,
Дробь сыплется на травы...

* * *

Кивнешь на прощанье мне,
В замке прозвенят ключи,
Свет вспыхнет в твоём окне,
И снег захрустит в ночи.

На темные сопки вдруг
Прольется волшебный свет...
По снегу – за кругом круг –
Прокладывать буду след.

Всю ночь колобродить мне
Влюбленным хмельным птенцом...

...Луч света в твоём окне...
...Фонарь над твоим крыльцом...
.....

Но сходят на нет во сне
Калитка... окно... порог... –
Я в теплой своей зиме –
Как в детстве – насквозь продрог.

И в пятнах парижских луж
Душа ли отражена? –
Другой я женщине муж,
И ты – другому жена...

Так что ж, словно пьяный в ноль,
Как в глухих пятнадцать лет,
Я плачу от счастья вновь
И вижу на сопках свет.

И сон твой всю ночь стерегу,
Пою тебе сотни осанн...

Взгляни в окно – на снегу
Стоит влюбленный пацан.

Ирина
Фещенко-Скворцова

Урождённая Скворцова, литературный псевдоним Ирина Фещенко-Скворцова. Родилась 9.01.1954 года в Волгограде. Стихи писала с детства, непрерывная литературная деятельность продолжается около 15 лет, 6,5 из них в качестве члена Союза российских писателей. Пишу также рассказы, эссе, литературоведческие статьи. Доцент, кандидат педагогических наук. Начинала трудовую деятельность в Волгограде, затем продолжила её в Киеве, в КПУ и АМУ. В настоящее время проживаю в Португалии, г. Benavente, перевожу классическую португальскую поэзию и португальские легенды.

Лия

Я, слепая Лаванова Лия,
Дожидаюсь злодейки-зари.
О, каким был со мною счастливым,
О, какие он ласки дарил!

Только ночь... Как же счастье - случайно...
Нет, случайного Бог не дает...
Как изменится утром, случая
Взор незрячий с лукавым - ее...

На плече напоследок устроюсь,
Благодарно обнимет во сне.
Шелковист его сброшенный пояс,
И тепла его тень на стене.

Словно стебли растений...

Словно стебли растений,
От слепящего света
Твоё Слово одето
Переливами тени.

С нами ныне и присно
Эта тихая заводь:
Откровение притчи -
Умолчания завязь.

Истин хитросплетенье,
Тьма на грани ответа...
От целительной тени
До слепящего света.

Илоне

Знаешь, Бог, как ребёнок,
Доверчиво просит утешить.
Поцелуй, чтоб утихла
Обидой рассказанной боль.
И неправда досадой в душе
Не напрасно скребётся.
Знаешь, Бог, как ребёнок,
Он погибнет без веры твоей.

В канун Рождества Христова

В канун Рождества Христова
Взыскующая - молить,
Пошли мне такое слово
И сердце так закали,
Чтоб все обиды вмещало,
И в свой непреложный срок
Конец превращало в начало,
А зло превращало в добро.

Гефсиманское эхо

Гефсиманское эхо,
Все звуки несущее ввысь...

Эти звуки лились, удалялись
и вновь приближались.
И тоска, и мольба, и вина,
и безмерная жалость,
одинокое звуки Земли...

Близко люди легли,
Точно к матке ягнята,
К земле перепуганно жались.
Только – холодом вдруг по земле...
Одинокое люди Земли.

Александр Гами

Учился в Москве в Академии Ипполитова-Иванова и в ГИТИСе Луначарского. Окончил Московскую консерваторию. Работал оперным певцом в России, Франции и Германии.

В области литературы награждён Золотым пером Руси в номинации Поэзия за создание новой формы поэзии «Однословный многорифм». Автор и составитель двух сборников стихов «Однословный многорифм», в которых представлены около 50 авторов из разных стран, пишущих в новой форме. Автор около 200 песен, множества стихов, поэм и сказок, романа «Призрак Щекатилова» и Антологии «Клуб до 40», где представлены более чем 400 русских поэтов, не доживших до 40 лет.

ДИТЯ ЛЮБВИ

Награждён я крылами белыми,
Чтоб дружить с небесами синими!
Меня папа и мама сделали,
Когда были они счастливыми!

ПЕСОЧНЫЕ ЧАСЫ

Как в песочных часах, мы живём:
Многократно.
Умирая, сочимся в мир грёз, а потом
Умираем и там, и сочимся обратно.

ЛИШНИЕ СЛОВА

Что могу я ещё сказать,
И к чему говорить слова,
Если я уж дышу едва,
Если кружится голова?

Если, как во хмелю, мозги
От дрожащих в желаньи губ,
Если сердце стучит в виски,
Если стал я и нем, и глуп?

ВСЁ РАВНО

Мы с тобой, как в немом кино,
Молча кружим по февралю.
Но, ты знаешь, что всё равно,
Всё равно я тебя люблю.

РАБОЧАЯ НЕДЕЛЯ

Если рыбка золотая желанием
В понедельник со мной расплатится,
Не корыто возьму - обещание,
Что придёт поскорее пятница!

* * *

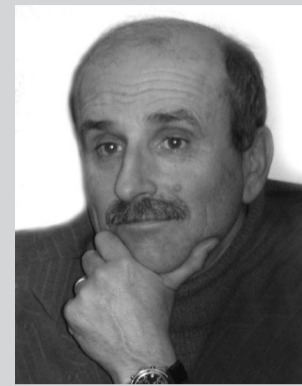
Светило солнце, согревая.
Скворцов слетелась сизых стая.
Среди содома серых судей,
Среди соблазнов сытых судеб

Стоял с сумой старик стыдливый,
Сжимая скрипку сиротливо.
Струилась скорбь с седины суровых,
Скрывалось стоном сердца слово...

Смахнул скрипач, смущённо, старый
Столетний сор со Страдивари,
Сумел счастливых струн сплетенье
Соединить со светотенью!

Скрепил стремглав союз священный,
Сорвал со скуки смрад смятенный!
Стыдливо страсть струной стенала,
Слеза сочувственно стекала...

Смеркалось... Суть скреблась снаружи.
Сквозила сном свинцовым стужа.
Седой старик своею силой
Стёр страх смертельный,
страшный, стылый.

Владимир Спектр

Родился 19.06.1951 года в Луганске. Окончил машиностроительный институт и Общественный университет (факультет журналистики). После службы в армии 22 года проработал инженером - конструктором, ведущим конструктором на тепловозостроительном заводе. Автор 25 изобретений, член-корреспондент Транспортной академии Украины. Работал главным редактором теле- и радиокomпании в Луганске.

Поэт, публицист. Член Национального Союза журналистов Украины, главный редактор литературного альманаха и сайта «Свой вариант», научно-популярного журнала «Трансмаш».

Автор 20 книг стихотворений и очерковой прозы. Заслуженный работник культуры Украины. Лауреат международных литературных премий имени Юрия Долгорукого, «Облака» имени Сергея Михалкова, имени Николая Тихонова.

Руководитель Межрегионального Союза писателей Украины, сопредседатель Конгресса литераторов Украины, член исполкома Международного сообщества писательских союзов (МСПС) и Президиума Международного Литературного фонда.

Всё своё – лишь в себе, в себе
И хорошее, и плохое.
В этой жизни, подобной борьбе,
Знаю точно, чего я стою.

Знаю точно, что всё пройдёт.
Всё пройдёт и начнётся снова.
И в душе моей битый лёд –
Лишь живительной влаги основа.

* * *

И впрямь, так будет не всегда.
Пронзают время перемены.
И тот, кто присягает: «Да»,
Вдруг станет символом измены.

И это всё – сквозь скорый суд,
Сквозь пыль дорог и боль утраты.
И сына Богом нарекут,
И потеряют, как когда-то.

* * *

Давай не думать о плохом,
Страницы дней листая.
Пусть даже, словно птица, в дом
Влетает весть лихая.

И день пройдёт, и ночь пройдёт,
И вместо утешенья
Судьбы продолжится полёт
Сквозь память и прощенье.

* * *

Пока ещё в Луганске снегопад,
Беги за ней сквозь позднее прощанье,
Хватая тьму на ощупь, наугад,
И ощущая лишь любви дыханье.

Пока ещё превыше всяких благ
В последний раз к руке её приникнуть,
Беги за ней, хоть ветер дует так,
Что ни вздохнуть,
ни крикнуть, ни окликнуть.

И, зная, что сведёшь её на нет,
Не отставай – беги за нею следом,
Пока её скользящий силуэт
Не станет мраком, холодом и снегом.

А.Т. Твардовский и Смоленская поэтическая школа

Еще в 1960 году известный литературный критик А. В. Македонов в своей книге «Очерки советской поэзии» выделил (и мотивировал это выделение) особое литературное объединение - «смоленскую поэтическую школу». Было определено место этой школы в развитии советской поэзии и обозначены три ее основоположника - М. В. Исаковский, А. Т. Твардовский и Н. И. Рыленков.

Сегодня (статья была издана в 2009 году - примеч. А.А.Иванова) в год юбилея Н. И. Рыленкова, в преддверии юбилейного года М. В. Исаковского и А. Т. Твардовского, мы хотим обратиться к понятию «смоленская поэтическая школа» еще раз и рассмотреть его в связи с именем величайшего русского поэта А. Т. Твардовского, столетие со дня рождения которого будет праздновать вся Россия.

А. В. Македонов заявил о школе несколько осторожно и указал, что берет термин в кавычки. В работах последних лет кавычки негласно, но с одобрения всех смолян сняты, и название обозначается четко - Смоленская поэтическая школа.

Вслед за А. В. Македоновым, можно твердо заявить, что есть в творчестве большой плеяды смоленских поэтов, начиная с 30-х гг. XX в., нечто общее, объединяющее их. Нечто такое, что позволяет говорить об общности тем, черт идиостиля, литературных мотивов, идейной заданности, выборе языковых элементов, структуре стиха и пр.

М. В. Исаковский был старшим и первым представителем школы, оказавшим влияние и на А. Т. Твардовского, и на Н. И. Рыленкова, и на других поэтов. Самым «смоленским» был Н. И. Рыленков. Но самой крупной и значительной в российских масштабах фигурой был, конечно же, А. Т. Твардовский. Три великих имени окружены другими, носители которых, как отмечает А. В. Македонов, несомненно, даровитые: это С. Фиксин, И. Василевский, Д. Осин, Д. Дворецкий, И. Рыжиков.

Не все поэты - уроженцы Смоленщины - имеют своеобразный «отпечаток» Смоленской поэтической школы. Так, например, А. Гитович, родившийся и выросший в смоленских литературных кругах, более близок к ленинградцу Н.Тихонову. Отделяется от Смоленской школы и талантливый смолянин И. Зиборов (Македонов 1960, с.4).

Но все же школа основана и поддерживается смолянами. Можно обозначить во временном плане более близкие нам имена, которые смело следует считать «представителями»: Л. Козырь, В. Смирнов, А. Мишин, Ю. Пашков... Конечно же, ряд нужно продолжить, но это уже дело современных литературных критиков и исследователей. Мы же хотим обратить внимание на черты, присущие поэтам Смоленской поэтической школы, на примере творчества А. Т. Твардовского - ярчайшего ее представителя.

Начнем цитатой того же А. В. Македонова: «Как бы кто ни оценивал Твардовского или Исаковского, или Рыленкова, первое, что признается и узнается в них, - это их органическая глубочайшая народность. Народность и в смысле народности их тематики, мировоззрения и метода, народность и в смысле удивительной признательности их народом» (1960, с.8). По мнению многих исследователей творчества А. Т. Твардовского, высшим достижением этой народности является «Василий Теркин» (В. М. Акаткин, В. В. Ильин и др.). И если бы даже Смоленская школа создала только «Василия Теркина», этого было бы уже достаточно! Однако глубокая народность присуща и другим текстам Твардовского: цикл стихов про деда Данилу, «Страна Муравия» с ее поисками народного счастья, «Поездка в Загорье»...

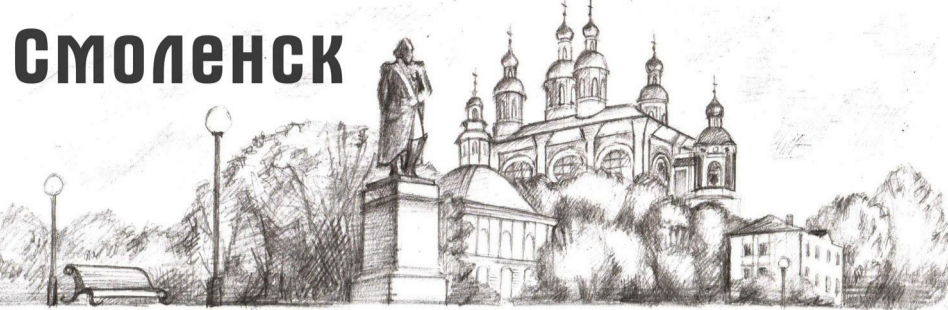
Твардовскому, как и другим смоленским поэтам, присущ особый пафос всеобщего и ясного движения, дороги (Македонов 1960, с. 10):
За недолгий жизни срок,
Человек бывалый,
По стране своей дорог
Сделал я немало... («Станция Починок», 1936).

И через всю поэзию Твардовского проходит этот образ и пафос пути, вплоть до одной из последних поэм «За далью - даль»:

И, распроставшись с этой далью,
Что подружила нас в пути,
По счастью, к новому свиданью
Уже готовлюсь я. Учи! (1950-1960).

У смоленских поэтов образ дороги, являясь сквозным, очерчивает как бы два пространства: Большую родину и Малую родину. Одна из уникальных особенностей всех представителей Смоленской поэтической школы - стремление воплотить в тексте, особенно в именах собственных - антропонимах и топонимах, любовь к своей родной Смоленщине.

У Твардовского Никита Моргунок — ельнинский, Василий Теркин - смоленский, в любой дали есть родная кузница... Есть населенный пункт Борки... Есть «дорогая ты моя станция Починок»...

В 2012 году город Смоленск отмечает знаменательный юбилей - свое 1150-летие. Главный форпост западных границ нашей страны на своем веку претерпел много вражеских нашествий, горел, был разрушен почти до основания, но, как та птица Феникс, всегда возрождался из пепла и руин. В числе знаменательных дат России эта дата будет одной из самых значимых.

Сегодня город вовсю готовится к будущим торжествам: прихорашивается к встрече многочисленных гостей, готовит разнообразные программы. И в числе многих мероприятий будут и культурные, потому что Смоленск и сама Смоленщина всегда являли миру выдающихся деятелей науки, культуры, спорта и из многих других областей человеческой деятельности.

В многочисленной палитре этих мероприятий не затеряются и творческие встречи писателей и поэтов Смоленщины, местных композиторов со своими земляками и гостями города. Литературная Смоленщина - это особое место на творческой карте России, украшенное именами известных поэтов и писателей: Ф.Н.Глинка, И.И.Дмитриев, М.В.Исаковский, А.Т.Твардовский, Н.И.Рыленков, Б.В.Васильев, А.Р.Беляев, А.Азимов и многие другие.

В сегодняшнем выпуске «Провинциального интеллигента 1» в разделе «Смоленск» представлена современная литературная поросль. Я бы сказал даже, взрослая на ниве старейшего учебного заведения Смоленска - педагогического института им. К.Маркса (ныне - педагогический университет). Сегодня бывший декан историко-филологического факультета этого института М.З.Хенкин готовит к публикации книгу о жизни и деятельности факультета, его преподавателях и выпускниках. Многие из них заняли заметное место в литературной жизни Смоленщины и России. В сегодняшнем выпуске газеты представлено творчество ряда выпускников историко-филологического факультета разных лет. Трое из них - А.Королев, А.Агеев и автор этих строк - даже жили в одной комнате общежития, еще не помышляя о том, что станут в будущем авторами поэтических сборников, членами Союза писателей России. В этом выпуске также представлены стихи и других выпускников педагогического института.

Анатолий ИВАНОВ,

Заслуженный работник культуры Карелии, член Союза писателей России, член Союза журналистов России, представитель «ПИ 1» в Смоленске.

Особые и люди у Твардовского и других представителей смоленской поэтической школы. Мало того, что это люди из народных масс, это еще и конкретные люди - работники, люди труда, действия. Это люди простых профессий: плотник дед Данила, кузнец Горденч, Ивушка-печник, песенник Лазарь, многодетный хлебороб Кузьма...Круг простых людей расширяется. Это уже новые люди, которые как бы «выходят» из простого народа:

...Где нас только нет,
Фроловых, на земле!
Живут в Москве и под Москвой,
В Сибири от годов.
Есть машинист, есть летчик свой,
Профессор есть Фролов.
Есть агроном, есть командир,
Писатель даже есть один («Страна Муравия», 1934-1936).

Простые люди - это покорители новых земель, дальних далей огромной страны. Стремление к детализации и конкретизации образа простого человека обычно осуществляется смоленскими поэтами - и Твардовским в особенности - через именованья героев: мать героя имеет имя - Лаптева Елена («Мать героя», 1940). Есть ли она в действительности - мы не знаем, да и не имеет это значения. Главное - она есть в стихах, и мы верим в эту реальность. Такая форма документальности имеет эстетическое значение - она создает эффект прямой достоверности, жизненности (Македонов 1960, с. 16).

Тот же принцип видим и во фронтовых стихах Твардовского: «Григорий Пулюкин» (1940); «Шофер Артюх» (1940); «Сержант Василий Мысенков» (1941) и др.

Конечно, смоленские люди и Смоленская земля не есть что-либо уникальное. Это обычная русская земля и обычные русские люди. И вместе с тем вся история нашего Отечества свидетельствует о том, что Смоленская земля - особая. И именно принцип предельной конкретности и предельной любовности изображения (слова А.В.Македонова) отличает смоленских поэтов от других. Чувство «родной местности» и «точности адресатов» ни у кого, кроме представителей Смоленской поэтической школы, не доведено до такого высокого предела:

... Два города самых любимых,
Два самых родных у меня.
Один - это город Москва,
Другой - это город Починок.

Место и люди создают живую конкретную реальность, представляющую собой своеобразную демократизацию идеального. Герои естественны, не надуманны. Это поэзия действительного народного героя.

А. В. Македонов отмечает, что у представителей Смоленской поэтической школы прозаическое становится поэтическим, и это происходит объективно. Это особый новый язык поэзии. С одной стороны, это возвращение к классической простоте пушкинской и Некрасовской речи. С другой стороны - и тем более - это дальнейшее развитие революционной речи двадцатых годов. Твардовский разработал в пределах этого общего направления ту особую манеру, которую Н. И. Рыленков удачно назвал манерой «доверительного разговора» с читателем. Поэт ведет как бы скрытый диалог с читателем, диалог, к которому часто добавляется

и разговор со своими собственными героями. Поэзия превращается в многостороннюю беседу и многоголосый хор (Македонов 1960, с. 28).

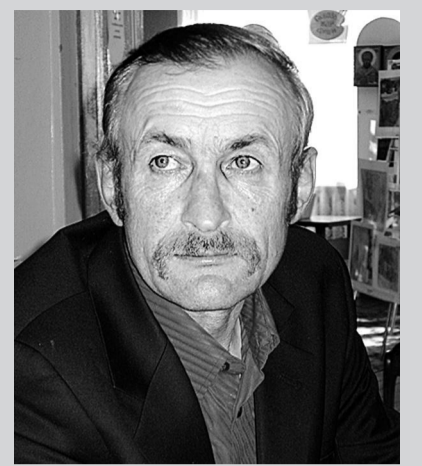
Сформировалась Смоленская поэтическая школа в 30-е годы. Далее особенности смоленского направления в поэзии как бы распространялись достаточно широко, смоляне влияли на развитие русской литературы. Стремление к конкретизации нового героя, к раскрытию его многосторонней внутренней жизни, к непосредственному синтезу в поэзии повествовательного, драматического и лирического начала, к особой поэтической сюжетности, к развитию синтезу песенного и разговорного начала поэтической речи - все, что было отчетливо намечено представителями Смоленской поэтической школы, позднее стало всеобщим достоянием советской поэзии. Однако все же специфические особенности смоленской поэзии не исчезли вовсе. Мы не можем не отметить, что до сего дня смоленским поэтам свойственна глубокая народность, воспевание Большой и Малой родины, особый песенно-разговорный строй речи, выражение героического начала в самых лучших традициях патриотизма.

Смоленская поэтическая школа продолжает свое существование. Об этом много пишут смоленские литературоведы (В. С. Баевский, В. В. Ильин и др.). В 2000 году вышла статья В. В. Ильина «Смоленская поэтическая школа в действии. Кануны. Свершения. Перспективы», в которой находим следующие строки: «В наше время заметно возрастает интерес к проблемам художественного восприятия литературы. В связи с этим перед исследователями встает проблема историко-функционального изучения «смоленской поэтической школы».

В пределах школы и сегодня остаются идеалами ее основоположники. Особо, конечно, отмечаются индивидуальные особенности творчества Твардовского, общепризнанного крупнейшего советского поэта. Вызывает восхищение размах тематики произведений поэта, размах его поэтической мысли, соединение эпического и повествовательного начала, стремление к неприкрашенному изображению действительности, углубленный психологизм, особое умение передать сложные душевные переходы, связи, детализированность и одновременно обобщенность, непередаваемая манера организации (особенно в последних произведениях) прямого и большого разговора об основных проблемах современности. Поэзия Твардовского - это поэзия большой гражданской и философской мысли, духовного богатства русского человека. И одновременно это поэзия СМОЛЯНИНА.

Инна КОРОЛЕВА

Родилась в г.Рославле Смоленской области. В 1975 году окончила историко-филологический факультет Смоленского пединститута. Профессор кафедры русского языка СГУ. Основные научные работы в области краеведения, ономастики, истории языка. Редактор нескольких книг поэта Л.А.Кузьмина. Живет в Смоленске.

Геннадий Язенькин

Родился 10 марта 1958 года в давно умершей деревушке Трофименки Демидовского района Смоленской области. С этим краем связана вся его жизнь. После службы в армии он работал в охране ПО «Кристалл», затем был шофером, трактористом, машинистом трубоукладчика и бурильной установки, маляром, каменщиком, слесарем, электриком, журналистом. В настоящее время выпускает в Демидове газету «Городской вестник». В 15 лет опубликовал свое первое стихотворение в районке «Путь Ильича». Печатался в поэтических сборниках и альманахах, в центральных и областных периодических изданиях.

Оттого жива Россия

Ни конца тебе, ни края,
Сердцу милый отчий край.
Я тебе и умирая
Прошепчу: «Не умирай...»

То холмы, то перелески -
Сколько здесь я прошагал!
Если б я не жил в Смоленске,
То России бы не знал.

Может быть, на том пригорке -
Утверждать я не берусь -
Где-то здесь Василий Теркин
Прикрывал собою Русь

В дни тяжелых испытаний
От захватчика-врага.
И такими вот местами
Русь мне трижды дорога.

И кого бы ни спросил я,
В тех глазах я вижу блеск:
- Отчего жива Россия?
- Оттого, что жив Смоленск!

Том ИВАНОВ

Родился на Смоленщине. Окончил историко-филологический факультет Смоленского пединститута. Публиковался в периодической печати и альманахах поэзии. Работает учителем.

* * *

Твоих вовек не исходить дорог
И каждой речки не запомнить имя,
Где запад твой, Россия, где восток,
Какой простор раскинут между ними.

Бесчисленны леса твои, поля,
И мне порою тяжело до боли,
Что прожито полжизни мной, а я
Твоих красот не видел сотой доли.

Не видел буйных океанских вод,
Не пил из Волги, не был за Уралом,
Но о тебе, великий мой народ,
Я все узнал в своем селенье малом.

Александр КОРОЛЕВ

Уроженец Смоленщины. Образование высшее филологическое. Работал в школе, в органах государственной власти. Ныне – редактор газеты «На Смоленских холмах». Публиковался в периодической печати и в различных альманахах. Автор двух книг стихов: «Над бездной» (2004) и «Сорванным голосом» (2010). Живет в Смоленске.

В березовых шелках Россию
Надежды утро оросило
Не в первый раз уже, наверно,
А на душе все так же скверно.

Долины и курганы русской славы –
В траве забвенья:
Пришло другое поколение –
Душой увечных и усталых.

Для кого-то Гайдар –
Божий дар.
Ну, а мне вот накликал Егор
Нищету и душевный разор.

Мое поколение

Деревню бросили. Толчемся в городах.
Едим чужое, носим то же.
И дело вот не спорится в руках,
И совесть мало кого гложет.

В деревне нашей мрут, не сея жита.
Не действуют давно законы старины.
В пустых домах – ни песен,
ни молитвы,
Лишь в небе скорбный лик
заплаканной луны.

В слове светлом –
Сила чудесная,
Помни об этом,
Жизни слагая песню.

В других дурдомах не бывал,
Люблю поэтому свой:
Россия – мой кров и покой,
И грозный девятый вал.

Все больше отретья вокруг:
Что мужики, что бабы.
Какой, Россия, недуг
Народа дух ослабил?

Время людей подлейших,
Зла урожай могучий.
Бог одинокий над кручей
В растерянности, полуослепший...

Все крепится к земле
И к небу тянется,
И свет во мгле
Веками мается.

Вот она - счастья столица,
В том, кто рядом и любит,
Кто праздником делает будни,
Не устаю за кого молиться.

Птенцы гнезда истфилова

Все таинства свершает ночь,
С тобою нас соединяя,
И в страсти жаркой утопая,
Мы даже смерть готовы превозмочь.

Вся жизнь человека и смерть,
Вся светлость их и ненастье
В двух бездонных словах –
Горе и счастье.

Город Демидов

Вот здесь и есть столица
Моей вселенной, где душа
Ромашковым теплом лучится
И ловит вздохи камыша.

Гороскоп не сулил никогда,
Что вот-вот нагрянет беда.
И не ждал ее. Оказалась страшна
Смерть. Мамы нет. И в тягость весна.

Предчувствие

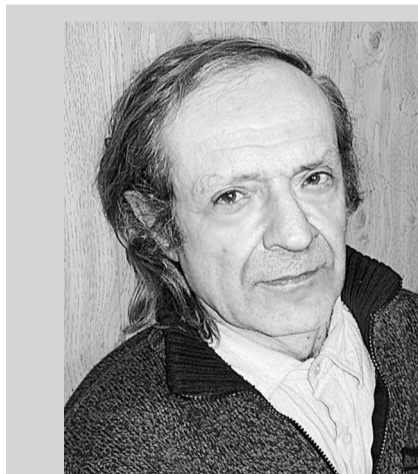
Желтолицые люди придут,
Лес проредят и пашню расправят,
И на ноги Россию поставят,
Новым именем назовут...

Испоганить мир себя вокруг
Особых не надо потуг.
Украстить же его собой –
Невероятно труд большой.

Я плевать хотел на богатства.
Я богат, коль немного хочю:
Чтоб крепчало друзей моих братство,
И любви не задуло свечу.

На то и жизнь дана, чтобы ее растратить,
И делаем мы это без помех,
И есть Один, кто молится за всех,
И нам всегда Его молитва кстат.

Завернуться бы в дождь иль метели
И оглохнуть для речи земной,
И подняться до звездной капели
Да и стать там на вечный постой.

Александр АГЕЕВ

Родился на Смоленщине. Окончил историко-филологический факультет Смоленского пединститута и факультет журналистики МГУ. Автор сборников стихов «Дебют» (1996) и «Междувечье» (2005). Член Союза российских писателей. Живет в г. Рославле Смоленской области.

К вам стихами приду,
Зрим, весом, но бесплотен,
Без додуманных дум,
Без эпичных полотен.

Я типичен, как дым
По Руси – коромыслом,
Эскимосские льды,
Философские смыслы.

И война, и тюрьма
Все ж меня миновали...
Гнет к суглинку сума –
Груз российской печали.

Нет, не жить по уму!
И отколь и доколе –
Все никак не пойму –
Не распаханно поле...

Оглянулся назад –
Словно стон, долетело:
«Кто-то там виноват...»
«Что-то нам надо делать...».

Те же темы для книг –
Не фантастик, а правды,
Но издание их –
Прав ты или не прав ты –

Отложили на суд
Отдаленных потомков,
И туда я несю
Вековую котомку.

Проходят года, поколения,
Однако планида одна:
Забывтые богом селенья,
Хранимая Богом страна.

Вся наша жизнь – то барак, то бардак.
Было так, есть и останется так.

Непомерное бремя,
И назначено мне
Это судное время
В безрассудной стране.

Возлежу я на одре
И взираю на свет,
«Пог ибоща, как обре»,
Но живой как поэт.

*День 7 ноября-
Красный день календаря*

Пусть марши победные льются
Во имя отград и утрат!
Какая еще революция?

Парад был в России, парад!
Ищу днем с огнем человека,
Но лживые льются слова:
- Двадцатого не было века,
А был – девятнадцатый «А»...

Двусмысленны окна ночные:
В них свет, полусвет, темнота.
Таится за ними Россия,
Все та же она – и не та.

Повиснет вопрос без ответа:
«О Боже, что делаешь ты?»
В душе не убавилось света,
Но больше вокруг темноты.

ПАМЯТИ В.ВЫСОЦКОГО

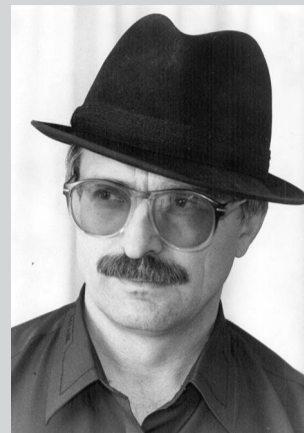
Жил да был один поэт –
И прощай-прости.
Он на льду застойных лет
Жал на скорости.

В этой серости тупой,
В теплой сырости
Уходил в такой запой,
Что прощай-прости.

Ведал горе от ума,
Делал глупости.
Есть закон шлагбаума –
И прощай-прости.

Лучший бард бардачных пор
Понимал: тшета.
Но затевал спор,
Не бросал щита.

Хоть не мог же он не знать
Пастернаково:
Строчки с кровью убивать
Будут всякого.

Анатолий ИВАНОВ

Родился на Смоленщине. Окончил историко-филологический факультет Смоленского пединститута. Работал учителем, журналистом, редактором книжного издательства. Публиковался в центральной, республиканской и областной периодической печати, коллективных сборниках и альманахах поэзии. Автор нескольких книг стихов и более 300 песен на музыку отечественных и зарубежных композиторов. Член Союза писателей России.

РОССИЯ

Я смотрю в окно. Вечереет, но
Я смотрю в окно на Россию.
Знаю я одно: сколько мне дано,
Мне любить ее хватит силы.

Светлая моя, нежная моя,
Вечная моя – Россия.
Широта твоя, красота твоя,
Доброта твоя – негасимы!

Не Рублевкою, не торговкою
На миру красна ты, Россия.
А «Калинкою», да великою
Добротой своею и силой.

Как хотели все в грязь втоптать тебя
И свои враги, и чужие.
Только были те, и остались те,
Кто любовь твою заслужили.

И любовь моя, и печаль моя,
И судьба моя – ты, Россия.
Мне любить тебя и жалеть тебя,
И беречь тебя хватит силы!

Н.П.

Шелками было небо лета вышито,
И так красив был этот день земной!
И мое сердце было тобой выпито.
Ну что, скажи, ты сделала со мной?!

Твоей любви пьянящей, грешной силою
Был каждый миг тогда наполнен мой.
Ты ворвалась, как ветер,
в жизнь постыдную.
Ну что, скажи, ты сделала со мной?!

Такую страсть любви
с тобой измеривший,
Как будто мир весь был в тебе одной,
Твоим словам,
твоим губам поверивший,
Ну что, скажи, ты сделала со мной?!

Потом был день,
где песнею прощальною
Клин журавлиный таял синевою,
Где я искал, искал тебя отчаянно...
Ну что, скажи, ты сделала со мной?!

Те дни давно прошли, невозвратимые,
И ты давно забыла голос мой.
А я все звал, все звал тебя по имени...
Ну что, скажи, ты сделала со мной?!

Елена Дьяченко

Родилась в г.Вязьма Смоленской области. С детства практически лишена возможности двигаться. Стихи для нее - и способ существования в этой жизни, и практически единственная ежедневная возможность связи с этим миром. Член Союза писателей России, автор нескольких сборников стихов, в том числе для детей. На ее стихи барды Смоленщины и самодельные композиторы написали несколько песен.

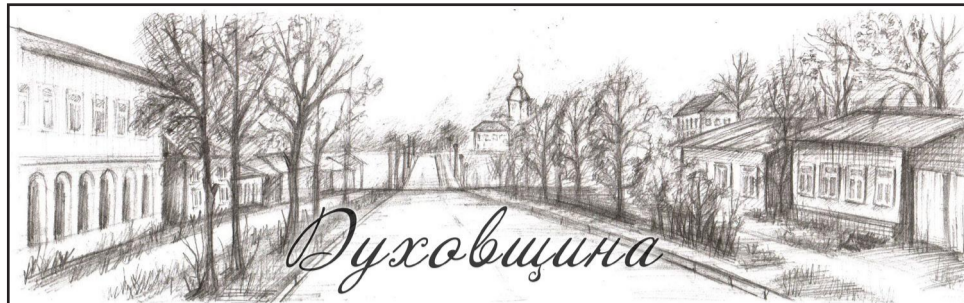
Стихи о любви

*Дарите женщинам слова,
Где в каждом звуке — страсть и нежность,
Пусть вступит счастья неизбежность
В свои законные права.
Владимир Лисовский*

Подари мне слова,
Те, что будут подсказаны сердцем.
Нет дорожки подарка, -
Они ведь кристально чисты.
Только ими смогу
Я в ненастье холодном согреться,
Лишь они сберегут
От невзгод и земной суеты.
Подари мне слова -
В знак того, что меня еще помнишь,
Даже если та память порывна —
и только на миг...
Пусть расцветится звездами
эта бессонная полночь,
И неважно, что после ты вновь
растворишься в других.
Подари мне слова...
И душа, что озыбля — воскреснет!
Знаешь, сколько в ней будет
и радости, и новизны?!
Я услышу тебя и откликнусь
восторженной песней
И поверю тому, что порою сбываются сны!

Любите друг друга! Ведь это так просто:
Лишь миг — и в ладонях —
Господние звезды!
Лишь миг, и на сердце —
огромная радость,
А более благ никаких и не надо!
Любите друг друга
И не предавайте!
И боли ненужные не причиняйте.
Любовь не заменят ни деньги, ни злато...
Лишь только любя
Мы безмерно богаты!
И радость, и грусть чью-то
сердцем примите,
И просто любите, любите, любите!

Мгновенья наши перечтя по пальцам,
Ты все забыл, что связано со мной...
И даже то, что мы с тобой — скитальцы,
Но...только я с небес, а ты — земной.
Искал ты в травах солнечные пятна,
А в чьих-то душах — капельки тепла...
И было непривычно, непонятно,
Как я, без просьб, все это принесла.
Я — просто птица, маленькая птица,
Случайно залетевшая в окно, -
Не ставшая пугливо в стекла биться,
Ведь это было Господом дано,
Чтоб ты тихонечко погладил перья,
С души стирая чуть заметный страх...
И было наивысшим то доверье —
Притихнуть в твоих ласковых руках.
Сменила осень неумность вьюги,
А нам казалось: стужа не грядет...
Завидовали недруги и друзья:
«Гляди-ка, птица в клетке, а поет!»
И все, от слов, разбилось в одночасье,
Ушло тепло, доверье, чудеса...
И я, забыв про холод и ненастье,

Городок Духовщина — один из многих на Смоленщине, чья история богата на литературные имена, на имена других известных людей. Местный краевед В. М. Желудов в своей последней книге об истории Духовщины и района - «И воссиял герб Духовщины» - пишет, что эти смоленские места являются родиной целой плеяды отечественных деятелей культуры и науки, просветителей, исследователей России, флотоводцев. Среди них — Ф.Н.Глинка, поэт, декабрист, участник Бородинской битвы; С.Н.Глинка, участник Отечественной войны 1812 года, автор ряда поэм, повестей, мемуаров; Г.А.Потемкин, государственный деятель екатерининской эпохи, дипломат, генерал-фельдмаршал; И.С.Горюнов, генерал-майор, конструктор, ученый, педагог; П.К.Козлов, исследователь Центральной Азии; С.Т.Шацкий, советский педагог-новатор; писатель В.И.Ардамацкий, ученый, академик Я.М.Колотыркин; звезда отечественного кино И.Х.Новосельцев и многие другие известные в России люди. В настоящей подборке публикуются стихи как профессиональных, так и самодельных современных духовщинских поэтов.

Из рук твоих рванулась в небеса.
А ты — мгновенья перечтя по пальцам,
Забыл все-все, что связано со мной,
И даже то, что мы с тобой — скитальцы,
Но только я с небес, а ты — земной...
Не беспокойся, я не стану снится,
А то, что в сердце у меня — не в счет...
И лишь когда услышишь в небе птицу,
Вдруг встрепенешься: «Все-таки поет!».

От судьбы не уйдешь — точно знаю,
Потому — среди земной кутерьмы
Вспоминаю тебя и меняю
«Я и ты» на привычные «мы».

Хоть и кажется: жизнь долистала
До конца на короткий роман, -
Без тебя я смертельно устала,
И моя вся бравада — обман.
Ты один — самый нужный и близкий,
И в дождливых, и в солнечных днях...
И летят листья, словно записки,
Сквозь пространство — к тебе от меня.

Там ни слов нет и ни междометий,
Ты ведь знаешь и так наизусть,
Что вернусь к тебе через столетия...
Только жди. Непременно вернусь.

Будет день, озаренный
цветеньем ромашек,
День, в котором мне радостно петь...
И как в юности давней —
светло и бесстрашно —
В нем к тебе буду птицей лететь.

Ты ладони мои отогреешь дыханьем,
И растают проблемы и страх...
И опять утону я в твоём пониманье,
Как в ромашковых тех лепестках...

И неважно совсем —
любишь или не любишь,
Но под светлый ромашковый дождь,
Точно знаю одно: ты меня не забудешь,
И от стужи душевной спасешь.

Плоды скорбей своих увидишь позже,
Когда Бог за терпение воздаст...
Ну а пока — иди по бездорожью,
Тем более — иди не в первый раз!
Нам крест нести дано по Божьей воле,
И все иное — суетно, не в счет...
А те слезинки, что сейчас от боли,
Господь однажды с наших лиц сотрет.

Стихи для детей

У моей подружки Светки
Было целых три конфетки,
У меня — всего одна...
Ну, и жадина она!

Раз, два, три, четыре, пять, -
Вышел дождик погулять.
Пробежал по черным крышам —
И шаги его услышал.
По траве продолжил путь —
Подросла она чуть-чуть!
Поливал цветы из лейки —
Флоксов дружную семейку,
Те довольные остались,
Дождику заулыбались.
А под вечер, уходя,
Спел мне песенку дождя.

Песенка для солнышка

Крепко солнышко уснуло,
И в окно не заглянуло.
Я проснулся: дождь идет,
В серых тучках небосвод.
Что же делать? Как же быть?
Как же солнце разбудить?
А, придумал! Я спую
Солнцу песенку свою:
«Солнышко, проснись.
Миру улыбнись,
Сонных наших лиц
Лучиком коснись!».

Потихонечку сначала
Моя песенка звучала,
А потом — слышней, слышней
Зазвенели нотки в ней.
Ее птички голоса
Подняли под небеса.
Солнце сразу же проснулось
И с небес всем улыбнулось.

Целый день концерт идет —
Трио дружное поет.
Прост у песенки мотив
И слова «Чирик! Чи-чив!».
Звонко хлопают в ладошки —
Только б, только б не упасть...
Воробышкам в лапы кошке
Так не хочется попасть!

Я болею

Я лежу и грущу —
Без друзей устала.
«Никого не впущу!» -
Бабушка сказала.
Мазями натерла,
И компресс — на горло.
Снова стала кипятить
Молоко в кастрюльке...
Мне его противно пить,
Если нету Юльки.
Когда рядышком друзья —
Ничего не страшно...
Но сегодня им нельзя:
Я болею... кашлем.

Забияка

Говорят, что петух — забияка.
Только выйдет во двор —
Сразу в драку.
Ни минуты не дравшись не может...
Но я знаю, что Петька — хороший.
Он глядит своим желтым глазком,
Говорит мне с протяжкой:
«Ко-о-о!»
И как будто целует ладошки
За зерно и за хлебные крошки.

Чудо

Взрослые твердят давно:
«Чуда не бывает!»
Но не верю я — оно
Есть у нас в сарае.
Утром просит молока,
Лижет мне ладошку.
И бодается слегка —
Просто понарошку.
А бабуля мне в ответ:
«Никакого чуда нет.
Есть коровья дочка,
Маленькая Ночка».

Ольга ГОЛОВЕНКО

Родилась на Брянщине, а второй родиной для нее стал городок Духовщина на Смоленщине. Многие годы преподавала математику в местной средней школе. Стихи публиковались в периодической печати и местных альманахах поэзии.

Ожидание

Я грущу без объятий твоих,
Мой любимый, родной человек,
Но настанет тот сладостный миг
Через день, через год, через век.

Сколько дней, сколько весен и зим,
Что пройдут от тебя вдалеке,
Но согреюсь дыханьем твоим,
И рука прикоснется к руке.

Я мечтаю об этом давно,
С того дальнего летнего дня.
Ты не сможешь забыть, все равно
Разлюбить не сумеешь меня.

И настанет рассвет голубой,
В тишине прозвенит нежный смех...
Ожидая я встречи с тобой
Через день, через год, через век...

Пятеро мужчин любимых у меня.
Я о них лишь думаю всегда:
И глубокой ночью, и среди бела дня,
Пусть куда-то катятся года...

Но по —прежнему в душе моей
Я храню любимые черты.
И люблю все крепче, все нежней
Внуков четвертых, а пятый — ты.

Пятеро мужчин любимых у меня...

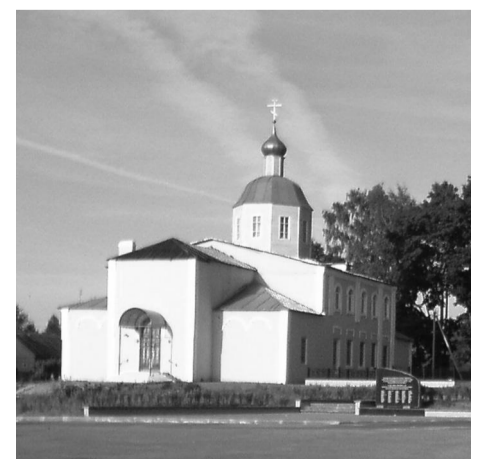
Сентябрь, любимый месяц года,
Опять мне душу бередишь.
Какая б ни была погода,
Мне счастье и любовь сулишь.

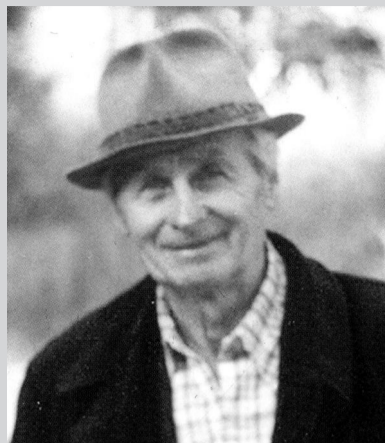
Прекрасно небо голубое,
Деревьев праздничный наряд.
Там, где однажды шли с тобою,
Набедокурил листопад.

Усыпаны листвой дорожки,
Зовут с собой в далекий путь...
Ты приходи ко мне, хороший,
Дай снова на тебя взглянуть.

Глоток любви — моря разлуки
Нам уготованы судьбой.
Опять твои мне снятся руки,
Опять я слышу голос твой.

Осенний дождь в окно стучится
И навеивает сладкий сон...
Опять всю ночь мне будешь снится,
Все так же нежен и влюблен.

Анатолий КОРНИЕНКО

Родился на Украине. Второй родиной для него стала Смоленщина. Автор нескольких сборников стихов. Последний – «Пора раздумий» – вышел в 2010 году. Член Союза писателей России. Живет в п. Озерный Духовщинского района. В настоящей подборке – стихи из последнего сборника поэта.

Пора раздумий

Бывает же чудо,
Хоть весть не нова –
Придут ниоткуда
Внезапно слова.

Приходят, чтоб слиться
В единую речь,
В тетрадной странице
Безропотно лечь.

Из света земного,
А может, с небес
Приходит к нам Слово
Средь прочих словес.

И ставим его мы
В созвучия ряд –
И вдруг по-иному
В нем смыслы звучат.

Послушать не прочь я
Частенько в тиши
Пришедшие ночью
Стихи для души.

Хоть время проходит, но я не забыл
Все то, что когда-то всем сердцем любил.
Мне дороги радость вчерашнего дня
И песни, что пела страна для меня.

Недаром в разлуке сумел я сберечь
Далекого детства певучую речь
И все, что когда-то узнал и постиг
Из быта родного, из читанных книг.

Хоть время подвергло меня грабежу,
На жизнь никакого я зла не держу.
Она – как река: то порой глубока,
То – на перекатах – и вовсе мелка.

От времени сущего не убегу
И им пренебречь, в нем живя, не могу.
Но все же, но все же родимее мне,
Что в давней осталось моей стороне.

Недаром в разлуке сумел я сберечь
И песни, и детства напевную речь.

Так много исчезло, так много пропало:
Что создано нами – пошло на распыл.
Не стало Державы – и Дела не стало,
Порыв созиданья, как пепел, остыл.

Пустует земля вдали от столицы,
А пустошь – как будто тут вечность была!
И негде в деревне напиться водицы:
К гнилому колодцу тропа заросла.

Покамест еще та свеча негасима,
Что светит сквозь мглу
из крестьянской избы,
Но чем же ты будешь сильна,
кем хранима,
Печальница-Русь, на распутье судьбы?

Уходят годы, остается память
О юности, о зрелости моей.
И затухает понемногу пламя
Порывов всех и всех моих страстей.

За теми днями, сердцу дорогими,
Ни поля не осталось, ни дорог.
И лишь живет твое, как тайна, имя,
Чтоб никогда тебя забыть не смог.

Одна пора спешит сменить другую,
Я думами опять лечу к тебе.
И Господа за то благодарю я,
Что ты, мой свет, была в моей судьбе.

Я соберу листву опавшую
В цветные ворохи в саду
И вспомню вновь тебя, пропавшую, –
Мою любовь, мою звезду.

Была к тебе дорога длинная,
И, может, в том моя вина,
Что горечь горькая, полынная
Теперь осталась мне одна.

Ко мне пришла пора осенняя
Моим желаньям вопреки.
А лета светлые мгновения
Так далеки, так далеки.
Уже все кончилось скитания.
Зачем, куда теперь идти?
Ведь все разлуки и свидания
Не впереди, а позади.

Но ты – моя навек любимая;
И не во сне, а наяву
Тебя одну, невозвратимую,
Я все зову, я все зову.

Иду я, голову склоняя,
Сквозь жизни смуту.
О, Слово! Не покинь меня
В сию минуту.

Разрухой, бурей грозовой
Все разметалось.
И на дороге роковой
Лишь Ты осталось.

Не оставляй наедине
Меня с судьбою.
Как оберег, как свет в окне,
Пребудь со мною.

Надежда БОГАЧЕВА

Родилась на Брянщине. Потом семья переехала на Смоленщину. Публиковалась в периодической печати и сборнике духовщинских поэтов.

Ельцинские времена перестройки

История помнит суровые годы,
Что наша Россия тогда претерпела.
Но с приходом господ «ельцинистов»,
Мы познали закон беспредела.

Все утрачено: совесть и честь,
Работяги, а нечем кормиться.
И девчонка идет на панель,
И совсем никого не стыдится.

Свинокомплексы, мельницы, склады
Опустели и мхом поросли.
Все растащено, что наживалось годами,
Как посмотришь – завоешь с тоски.

Ширь полей замеряли все уже,
Нет границ одичалой траве.
Рокот трактора слышен все реже,
И коня не видать на селе.

Поднимали целинные степи,
«Чернозем» заполнял закрома.
А теперь «властелины народа»
Норовят все продать с молотка.

Так спешил «дерьмократный холуй»
Раздавить, развалить то, что было,
Все, чем тешилось сердце и жило,
Чтобы вновь воцарился буржуй.

Потеряли ребят на чеченской войне,
Не найти их крестов на погосте.
А властям не до них: миллионы соря,
Все хлопочут за царские кости.

Развалилось село, города и страна.
Губернатор воюет за кресло.
И за это за все вручены ордена,
И считают, что все «было к месту».

За работу – смешная зарплата,
А не хочешь – пошел «бомжевать».
Но настанет буржую расплата,
И познает он «кузькину мать»!

Люди русские! Встаньте с колена!
Без вины виноватыми быть!
Земля предков пока уцелела,
Мы должны на ней радостно жить!

Светлана БОГАЧЕВА

Уроженка Духовщины. Работает в торговле. Награждена медалью «За честный доблестный труд в потребительской кооперации России».

Деревня

Моя забытая деревня,
Я по тебе скучаю вновь.
И хочется порой иной,
Как будто птицею парящей,
Мелькнув, увидеть образ твой.

И снова в детстве оказаться,
Как в те далекие года,
Открыть окошко в шумном классе,
Калитку школьного двора.

В реке прозрачной искупаться,
Послушать пенья соловья,
Пьянящим запахом сирени
Опять наполнить всю себя.

Вновь оказаться на пригорке,
Где земляника смотрит в рот.
Но так обидно, что сегодня
Ее никто уже не рвет.

Живут в селе одни старушки,
Им к землянике не прийти.
Ведь ноги их совсем «не дружки»:
До автолавки бы дойти!

Теперь там нет и магазина.
Навьючив хлебом рюкзаки,
Идут чуть видно тропинкой
Мои родные земляки.

А на лугу цветут ромашки,
Благоухает все, поет.
Хоть и заброшена деревня,
Но все еще пока живет...

Антонина ФОМИНА

Уроженка Смоленщины. Учитель русского языка и литературы. Стихи публиковались в периодической печати и местных альманахах поэзии. Автор двух сборников стихов.

Музыка любви

Ах, как прекрасен был роман!
Как дивно музыка звучала!
Тот обольстительный обман
Умышленно не замечала.

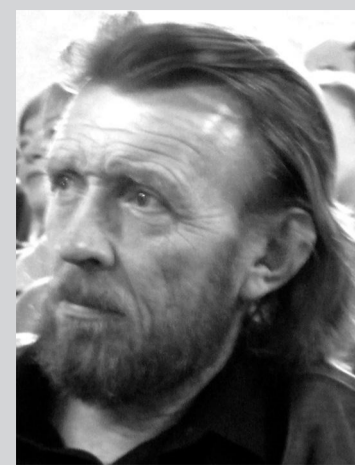
И гладиолусов букет
Пылал огнем любви прекрасной,
Но сквозь цветы глядел так ясно
Разлуки горький силуэт.

Сердца на разной частоте...
Взгляд с поволокой, не мигая.
Но в повседневной суете
Тебя ждала судьба другая.

От боли плавилась душа,
Горячих губ прикосновенье...
Одно, одно всего мгновенье
Качались звезды, чуть дрожа.

...И снова музыка звучит
Такой пронзительной нотой,
А сердце все еще стучит
Давно уснувшей заботой.

И светятся, как фонари,
Огромные глаза разлуки,
И всепрощающие звуки
Текут над вечностью любви.

Николай ДОЛГУШОВ

Родился в д. Елисеевичи Духовщинского района. Учитель по образованию. Пишет стихи и кладет их на музыку. Участвовал в областных и всероссийских фестивалях бардовской песни. Публиковался в периодической печати и местных альманахах поэзии.

Елисеевичи

Где в лесах притаился Ярило,
Где хрустальные хлещут ключи,
Белой птицею церковь парила
Над селом Елисеевичи.

Там справляли престол на Николу,
Заплетали на Духа венки.
По утрам петухам возле школы
Унисонил веселый звонок.

Под гармошечку у магазина
Соблазняла там кума кума,
Азиатским прищуром кузина
Меня вовсе сводила с ума.

Все колючим бурьяном покрылось,
И тоска, хоть ты криком кричи,
Там, где юность моя заблудилась,
Где село Елисеевичи.

Никого... По росе над лугами
Не слышать больше посвиста кос.
Никого... Лишь босыми ногами
По крапиве ступает Христос.

Черёмуха

Твои волосы пахли черемухи солодом,
Белой пеной цветов заполонило лес.
Я не знал, что весной
бывает так холодно,
Когда дождь, словно мед,
вязко тянет с небес.

Ты, смеясь, целовала букеты холодные.
Среди белых цветов в черноте твоих глаз
Отражались дождинки
цветными разводами,
Нес в кустах соловей ахиною про нас.

Все ушло навсегда, ничего не изменится.
Может быть, это все
приключилось во сне.
Может быть, но когда
лес черемухой пенится,
Холодок тех дождинок бежит по спине.

Письмо

Мои ржавые вихры тебе не снятся,
Звуки глупых песен не поют.
За тобою весны, зимы мчатся,
В ключья разорвав печаль мою.

Помнишь ли? Ты ничего не помнишь.
Красный мед летающей луны
Льется на меня в глухую полночь
Из бездонной неба глубины.

А когда закат розовощекий
Землю обнимает, прятан и тих,
Словно зверь, я чую издалека
Земляничный запах губ твоих.

Илья Цейтлин

Родился и вырос в Москве. С весны 1994 живу на севере от Чикаго. Всю жизнь пишу стихи и программирую.

Скучаю

- Ты скучаешь там? —
У меня спросили.
Я вздохнул и твёрдо ответил:
— Нет.
Нет любви к Москве,
нет любви к России.
Существует прошлого мягкий свет,
что идёт от времени, не от места.
Покрывают память забвенья мхи.
И восходит грусть — дрожжевое тесто,
из него пеку пироги — стихи.
Сколько в них никчёмного замесили
суета с усталостью в связке лет.
Есть любовь к Москве,
есть любовь к России,
только тех Москвы и России нет.

Приравняло время весь мир к Отчизне,
доказав, что мир бесконечно мал.
Я скучаю здесь по мелькнувшей жизни,
что любить, покуда, не перестал...

Моим читателям

Стихи писать — нехитрая задача.
Читателей найти — наив почти.
А вдумчивых читателей, тем паче.
Но горстка тех, кто встретился в пути,
бесценна, как глоток воды в пустыне.
Мне повезло, я жаждой не убит...
Огонь танцует весело в камине
и вырваться наружу норовит,
но дверца верно бережёт границу.
Там, в бликах укрошенного огня,
я вижу ваши вдумчивые лица,
и крылья вырастают у меня.
Спасибо вам! За чуткость и доверье,
за понимание — вот бесценный дар!
Дорога в нетерпенье ждёт за дверью,
над ней зари вздымается пожар
и гонит в путь. В минуты передышки,
шуршит бумажным полем карандаш.
Рождаются странички новой книжки,
в которую слуга покорный ваш
записывает жизни впечатленья,
творя, порой, до первых петухов.
Стихам никак не выжить
без прочтенья,
а автор жить не может без стихов.

Верный пёс

Печаль залижет верный пёс дождя,
и стая лет дополирует кости.
Но только злая память погода,
проложит к боли аккуратный мостик,
чтоб по нему в ночах назад ходить
и снами будоражить до рассвета.
Рассудок говорит не беречь,
но разве память слушает советы?
Неодолима прошлое река,
она течёт в забвение веками,
и верный, неразлучный пёс-тоска
прильнёт к ногам и заскулит стихами...

И ещё о ностальгии...

Земля чужая и земля своя,
и мили, годы, судьбы между ними.
Грусть тихая, бессрочная моя
то к стае птиц примкнёт
в небесной сини,
то сядет тихо в комнате в углу,
терзая память чередой картинок,
а то толкнёт записывать к столу,
вступая с суетою в поединок.
Её гримасы корчатся в огне
камина и в художествах заката,
и в кружевах морозных на окне.
Она о том, что я любил когда-то,
но потерял и, видно, навсегда.
О молодости, праздности, покое.
Лишь миг назад, но нет пути туда,
и даже не дотронуться рукою...

США
Всю жизнь он сочинял стихи.

Александр Долинов.

Родился и вырос в Ленинграде. Еще школьником работал на съемках «Гамлета» — просто разнорабочим, смотрел с восхищением на Смоктуновского и примерял на себя его роль... Потом окончил театральную студию при ТЮЗе — тогда, когда театр этот был в зените славы, а его главреж и руководитель студии Зиновий Короводский по праву почитался как один из лучших театральных режиссеров города (и даже, наверное, страны). Успел сыграть несколько ролей на российской сцене. Одной из своих творческих удач до сих пор считает образ мурло Ворона в «Снежной Королеве» (по пьесе Шварца). Когда на репетициях он, чуть грассируя и едва обозначая еврейский акцент, произносил: «Простите, но вы не швырнете в меня палкой? Позвольте почтительнейше поблагодарить вас за вашу удивительнейшую учтивость!» — вся труппа покатывалась со смеху. Но увы, десятилетние зрители не заметили тонкого подтекста...

Не дождавшись горбачевской оттепели, в 1976 году Саша эмигрировал в Израиль. Успел послужить в армии и даже принять посильное участие в боевых действиях: шофером попал в подразделение, в которое его, совсем неподготовленного гражданского человека, нипочем бы не взяли — да не нашлось другого водителя. Но, выдать, под счастливой звездой родился: вернулся живой, и даже все грузы довел, куда следовало.

Долинов довольно быстро освоил иврит на таком уровне, чтобы играть не только говорящих с акцентом иностранцев. Играл в театре и в кино. Что было интересно, почетно, но не прибыльно. Работал на заводе. Начальник гордится тем, что у него работает настоящий артист, поэтому, когда случались сокращения и увольнения, его не увольняли (хотя, если оценивать по производственным показателям — так может и следовало бы).

В 1984 он перебрался в Америку. Снялся в главной роли в небольшом фильме про эмигранта, где он практически сыграл самого себя и где его акцент был уместен и даже необходим. Но вообще-то актерской карьеры уже не искал.

В Голливуде даже не помыслил, приехал в Штаты просто жить и работать там, где сможет нормально обеспечить семью, пока жена не найдет работу и сын не подрастет. Так что в Нью-Йорке он сел за баранку желтого кэба — и

проездил по улицам Манхэттена четверть века.

Всю жизнь он сочинял стихи. Веселые и грустные, всерьез и не очень, сочинял искрометные экспромты и поздравительные оды для знакомых. Стихи то появлялись один за другим, только успевай записывать — то не появлялись месяцами. За долгую жизнь много их накопилось...

Стихи Александра Долинова были опубликованы в питерской «Неве» и в других журналах, сборниках и альманахах, вот тут можно прочесть некоторые из них: <http://magazines.russ.ru/neva/2003/8/dol.html>

Его сын Даниил Долинов (кстати, получивший в Йельском Университете PhD по русской литературе) прекрасно перевел многие стихи отца на английский.

Пару лет назад Александр выпустил свой сборник в одном из петербургских издательств. Презентация прошла в знаменитом кафе «Бродячая Собака» возле Русского Музея, в том самом, где когда-то бывали и читали свои стихи Ахматова, Гумилёв, Маяковский. Презентация прошла замечательно. Пришли друзья его юности — актеры, пришли и «виртуальные знакомые», полюбившие его стихи еще до выхода книги по интернет-публикациям. Кстати, недавно одна знакомая зашла в «Бродячую Собаку» и увидела на доске с многочисленными старыми афишами и эту: «Поэтический вечер Александра Долинова». С самого краю — но не потерялась, висит. То есть — вошел человек в историю, хоть и с краю...

А потом Долинов вернулся в родной Нью-Йорк, где тоже ждали его поклонники — те, кто узнали и полюбили его по передачам нью-йоркского русского радио и телевидения. Провел вторую презентацию своей книги — в знаменитом «Русском Самоваре», потом — тоже «на ура» — в публичной библиотеке в Бруклине.

Долинов изредка выступает со своими стихами перед американской публикой — в Нью-Йорке, Бостоне, Нью-Джерси, появляются его стихи в периодике. Он по-прежнему помнит наизусть всего Гамлета, хотя уже смирился с тем, что никогда не сыграет его на сцене... Зато он может написать грустные ироничные стихи о тех, кто, как и он, не сыграл Гамлета — о нас с вами.

Ирина АКС

Александр Долинов
Веронике Долиной

Дорогая, Вероника Долина,
Мы с тобой почти однофамильцы,
Но различные достались доли нам:
Ты живёшь в Москве, я — за границей.

Я давно уехал из России,
Это было в семьдесят шестом.
Просто меня очень попросили
Родственники близкие о том.

Там остались старые товарищи
И незавершённые дела.
О тебе не ведал я тогда ещё,
Ты тогда известной не была.

Но, когда твои услышал песни я,
То подумал, хоть и с опозданием:
Ничего не слышал интереснее
С самого момента мироздания.

Впрочем, это преувеличение,
Были...были до тебя великие.
Не преуменьшая их значения,
Причисляю и тебя к их лику я.

Началось в душе моей брожение,
Накупил кассеты в магазине я,
И тебя, в своём воображении
Представлял Джульеттою Мазиню.

Душу твою песенки согрели мне:
Как на юг приехал из Сибири я,
Ты была прекрасна, как Офелия,
Ты была наивна, как Кабиря.

Я искал тебя в газетной хронике,
А увидел, наконец, живьём.
И готов сказать тебе, Вероника,
Может хочешь, вместе попоём.

Уходят дети

Да, так всегда на белом свете,
Несправедливость да и только.
От матерей уходят дети,
От православных, от католиков,
От мусульман, от иудеев,
Возможно, даже — от буддистов,
У них — прогресс, у них — идеи,
Их взгляд горяч, их дух неистов.
Ну, что поделаешь? Когда-то
Мы точно так же поступали,
То пропадали вдруг куда-то,
То по ночам не дома спали.
Казалось нам, кто-кто, а мы-то
С детьми останемся друзьями,
Но у разбитого корыта
Теперь мы оказались сами.
И не поможет, всё едино,
Из поколения в поколение,
Ни сила лампы Аладдина.
Ни тайна шучьего веленья.

Елена Литинская

Родилась и выросла в Москве. Окончила славянское отделение филологического факультета МГУ. Занималась поэтическим переводом с чешского. В 1979-м эмигрировала в США. Елена живет в Нью-Йорке и работает в Бруклинской публичной библиотеке. Она основатель и президент Бруклинского клуба русских поэтов.

«Упрямо я стремлюсь ко дну»
Владимир Высоцкий

ГОВОРЯЩИЙ КАМЕНЬ

Упрямо я стремлюсь ко дну.
Таков уж мой удел.
Меня брось в воду — я тону,
Хоть вовсе не хотел.

Вот привязали к Одному
На шею. И того...
А, может, я желал ему
Всего хо-ро-ше-го.

Ни уваженья, ни шиша
Ко мне. Кто я? Предмет.
Не обозначена душа.
И мозга вроде нет.

Я — не бульжник, я — алмаз!
А вы меня — как гнет.
Бог даст, найдется водолаз
И разницу поймет...

И засверкаю я тогда
Звездой в миллион карат.
Морали ждете, господя?
Кто мудр, тот и богат.

«Как соломинкой, пьешь мою душу...»
Анна Ахматова

О ДУШЕ

Как соломинкой, пьешь мою душу.
Без души я осталась почти.
Прекрати эту глупость, послушай,
Или душу другую найди.

Из субстанции едкой астральной
Бог решил мою душу слепить.
Выпьешь душу — запей минеральной.
Не отравишься ты, может быть(?)

Отхвати лучше тела кусочек.
Я даю тебе дельный совет.
Углеводов, белков — сколько хочешь.
И веществ отравляющих нет.

Можешь крови моей напитокся.
Для такого, как ты, ...простака
С голубыми кровями девица —
Сущий кладезь. Готовь стакан!

Только душу мою ты не трогай!
Говорят, она сильно больна.
Сквозь решетку любую дорогой
Из лечебницы Ган — нуш-ки-на.

«Не брести мне сушею...»
Юрий Левитанский

МОЛЬБА

Не брести мне сушею и не плыть на катере,
На крылатом лайнере тоже не летать.
Ты меня отравила к нехорошей матери.
И ушел с концами я. Нет меня, видать.

Я попал в чистилище, хоть мы не католики.
Ни чертей, ни ангелов. Тени по углам.
Ходят, бродят, маются братья-алкоголики.
А с чего ведь запили? Все шерше ля фам.

Сколько люду всякого! Арстантов, фраеров,
Депутатов, классиков. Сам Хемингуэй
Уж полвека просится: не пускают в рай его.
Ну, а мне здесь чиститься, ясно, много дней.

Я с людьми разумными день и ночь беседую.
Осознали. Жизнь была — грех и суета.
Помолись, любимая, за меня как следует.
Чтобы ангел райские распахнул врата.

СМА

Наум Коржавин, русский Поэт

Баллада об историческом недосыпе
*Памяти Герцена
(Жестокий романс по одноименному произведению В. И. Ленина)*

Любовь к Добру разбередила сердце им.
А Герцен спал, не ведая про зло...
Но декабристы разбудили Герцена.
Он недоспал. Отсюда все пошло.

И, ошалев от их поступка дерзкого,
Он поднял страшный на весь мир трезвон.
Чем разбудил случайно Чернышевского,
Не зная сам, что этим сделал он.

А тот со сна, имея нервы слабые,
Стал к топору Россию призывать,—
Чем потревожил крепкий сон Желябова,
А тот Перовской не дал власть поспать.

И захотелось тут же с кем-то драться им,
Идти в народ и не страшиться дыб.
Так началась в России конспирация:
Большое дело — долгий недосып.

Был царь убит, но мир не зажил заново,
Желябов пал, уснул несладким сном.
Но перед этим разбудил Плеханова,
Чтоб тот пошел совсем другим путем.

Продолжение на сл. странице

Все обойтись могло с течением времени.
В порядке мог втянуться русский быт...
Какая сука разбудила Ленина?
Кому мешало, что ребенок спит?

На тот вопрос ответа нету точного.
Который год мы ищем зря его...
Три составные части — три источника
Не проясняют здесь нам ничего.

Да он и сам не знал, пожалуй, этого,
Хоть мести в нем запас не исскал.
Хоть тот вопрос научно он исследовал,—
Лет пятьдесят вавилового искал.

То в «Бунде», то в кадетках... Не найдутся ли
Хоть там следы. И неудачи зол,
Он сразу всем устроил революцию,
Чтоб ни один от кары не ушел.

И с песней шли к Голгофам под знаменами
Отцы за ним,— как в сладкое житье...
Пусть нам простятся морды полусонные,
Мы дети тех, кто недоспал свое.

Мы спать хотим... И никуда не деться нам
От жажды сна и жажды всех судить...
Ах, декабристы!.. Не будите Герцена!..
Нельзя в России никого будить.

1972г.

В настоящее время Наум Коржавин живет в Бостоне. В июне 2005 года российская газета «НГ-ЕХ Libris» опубликовала с ним большое интервью, выдержки из которого я рекомендую читателям:

Вечность и мировая халтура. (НГ-ЕХ Libris, #20, 2005 г.)

- Наум Моисеевич, вы много лет живете в Соединенных Штатах, в иной - чужой! - языковой среде. По-английски стихи не пишете?

- Нет. По-английски я и говорю-то еле-еле. Но проблемы языка нет. Вся жизнь моя идет по-русски...

- Говорят, что времена не выбирают... Но все же: вы хотели бы жить в другую эпоху?

- Я об этом давно писал... В стихотворении «Современники»:

*...Я думаю, словно о чуде,
Об этом... И тут я не прав:
Мы все современники, люди, -
Хоть мы - переменный состав.
Нам выпало жить на планете
Случайно во время одно.
Из бездны веков и столетий
Нам выбрано было оно.
Мы в нем враждовали, дружили,
Страдали, боролись с тоской.
И все бы мы были чужие
Во всякой эпохе другой.
Есть время одно - это люди,
Живущие рядом сейчас.
Давай к нему бережней будем -
Другого не будет у нас!..*

- Как вы сейчас воспринимаете Сталина? Он актуален?

- Биологически мы сталинщину пережили. Есть поколение, даже не одно, которое никогда этого не видело и ему даже не хочется об этом думать. Но исторически мы этого не пережили. Кто-то думает, что все давно преодолели, и проблемы нет... То, что сегодня какие-то люди начинают находить спасение в Сталине, - это наша недоработка. Страна должна понять, каким падением была сталинщина!

- А ведь в молодости вы были сталинистом...

- Сталина я себе сам навязал. Мои сверстники возвращались с войны, Сталин был их главнокомандующим... И я доказал себе, что Сталин все-таки прав, в смысле революции. В разгар моего сталинизма меня посадили. Я тогда не соблюдал осторожности, старательно думал глупости... Сталинисты не требовались, нужны были те, кто кричал «ура!»...

- Хочу задать вам вопрос о поэзии... Что она такое?

- Давайте просто разговаривать... Вот раньше был термин - «смелые стихи». Такие стихи пишут, дрожа от страха... Стихи должны быть не смелыми, а истинными, подлинными. К счастью, я это понял. Это хорошо видно в стихах поэтов двадцатых и начала тридцатых годов... Тогда еще коммунисты могли быть искренними. Чуть позже они уже

не могли быть искренними, а должны были угадывать настроение партии. Но это была уже не партия, а опричнина. Коммунизм был величайшим заблуждением, потому что люди брали на себя функцию творения мира, но творить мир - Божественная функция. При этом в коммунистической одержимости было нечто имитирующее катарсис, то есть очищение - то, для чего существует искусство. А ведь стихи не пишутся для того, чтобы Иван Иванович рассказал о том, что ему плохо потому, что Марья Ивановна не хочет с ним жить... Тут можно только посочувствовать. В поэзии сочувствие должно быть не бытовое, оно должно писаться через дефис, потому что это - со-чувствие (сопереживание, вмести-чественность). Стихи ведь всегда читаются от собственного имени, даже в третьем лице, а читатель встает на место автора. Важно проявление личности. Только подумайте: если человек на минуту становится, например, Пушкиным, то он становится богаче на переживание Пушкина... Вот это - поэзия! Если кто-то кого-то не любит - это драма. Личная. Но если за личной драмой откроется драма того, что вложено в эту любовь... Не обязательно словами, все и так чувствуется. Но если это есть, это - лирика. А любовная лирика от другой лирики не отличается.

- А кого из поэтов вы любите? Кого ставите впереди?

- Я люблю многих поэтов. Многих... Больше всех люблю Олега Чухонцева... Риму Казакову - тоже. Но если строго говорить, то я люблю Пушкина, Тютчева, Блока люблю частично. А в двадцатом веке очень сложно стало. Потому что всюду великое искусство подмены, пафос самоутверждения, который легализован, много засорений, шумов. Это с самого начала двадцатого века. Я не говорю про политику. Даже у самого Блока много лишнего, с моей точки зрения. Но зато примерно 10% стихотворений - настоящие шедевры. Блок - великий поэт. Мандельштам - настоящий поэт, но сложный. Сложный по своей судьбе. Он стал очень влиять на поэзию в последнее время. Влиять тем, что у него не получилось. Его неудачи тоже великолепны по-своему, но подражать неудачам нелепо. Ему трудно было почувствовать себя очень свободным в то время, когда все рушилось. Он пытался найти выход, иногда ему удавалось... К тридцатым годам он достиг большой высоты, яркости, выразительности, мудрости... Всего! Но многое на этом пути не получалось. И некоторым это кажется наиболее поэтичным. У него не получилось, а другие этому подражают... Кто еще? Ахматова... Я считаю ее гениальным поэтом. Может быть, лучшим поэтом двадцатого века.

Нина БОЛЬШАКОВА

Александр Пушкин

Родился: 1957, Москва. Женился и уехал в Нью-Йорк: 1986. Образование педагогически-литературное, профессий - много. Печатался, издавался и т.д.

ДОДОН

Великолепный, романтичный,
Как добрый пастырь, утомлен,
На канаве меланхолично
Болтал ногою князь Додон.
И мыслил: «Вот мои пенаты,
Мой дед вертел тут котильон,
Да ведь нагрят супостаты
И мой присвоят павильон.
Со всех дверей нагрят разом.
Как злые пруссаки судьбы,
Изо щелей, из унитаза,
Из кранов и печной трубы.
И дабы ночью от испуга
В постель не учудить греха —
Уволить надобно прислугу
И взять в охрану петуха».

И поутру с большой корзиной,
Идеей светлой вдохновен,

Закрывши зал по карантину,
На рынок поспешил Додон.
И там, среди птиц разнообразья,
Не улаждая взор и слух,
Как воплощенье безобразья,
Сидел замурзанный петух.
Он был облезл и неопрытен,
В глазах стояли капли слез,
Он бормотал чего-то в нос
И взгляд его был неприятен.
Додон смущен. Но выбор даден:
Одно несчастье вместо двух,
Пусть он угрюм и непригляден,
Но он — единственный петух.

И вот — на дереве-лимоне,
Среди картин и прочих штук,
Он угнездился как на троне —
Один-единственный петух.
Молчит, зараза, глаз не кажет,
И больше даже не бурчит.
Под окнами стреляют даже,
А он молчит, молчит, молчит...

Недужно князю, и не спится,
Всю ночь ворочается он,
Под утро сон ужасный снится,
А, может, даже и не сон:

Как он, больной и рахитичный,
Обшарпан, но не умудрен
На троне, в позе неприличной,
Не князь Додон, а царь — Дадон.
А рядом, на высокой спице,
Веселый, юный петушок,
Знай, хорохорится, вертится
И лапкой чешет гребешок.
Глядит в окошко — там девица
В короткой блузке цвета беж,
Петух горланит, клюв кривится
И глаз косит в цареву плешь...

Наталья Гордеева
Холодно

Мне так холодно без тебя,
что почти уже больно.
Не спасают горячий душ
и холодный коньяк
Я опять у грусти в плену -
в этот раз добровольно.
Между нами прохлада ветра -
осенний сквозняк.
Я намногом быстрее собираю
наш пазл разлуки
И почти научилась впадать
в медитации снов
Всё нормально со мной,
только мёрзнут всё время руки,
Стало сложно гадать
на жёлтой розе ветров.
Слишком долго мечтала
и слишком много хотела -
Это мой приговор.
Приведи его в исполнение,
Как жестоко звучит
в голове "отлученье от тела",
В полушариях мозга очередное затмение.

Мне сказали, что время больше
не практикует...

Из-за ветра не слышно
наших с тобой голосов -
В моём доме теперь постоянная осень дует.
Ты не знаешь, где можно купить
саундтрек наших снов?

Зеркала

В те ночи, когда в зеркалах
отражается космос,
И слышно биение сердца из недр земли,
На несколько долгих секунд
замирает Хронос,
Одну за другой задувая свечи мои.
Лишь в фокусе глаза сместятся
все точки прицела,
Пространство вокруг своих
очертанья меняет,
Я ставни и двери сознания
захлопну всецело,
Два зеркала мне коридор
к тебе открывают.
Спиной ощущая
я междумирья прохладу
И слышу зовущие в глубь темноты голоса.
Когда я иду сквозь зеркальную амфиладу,
Меняют полярность и оси земли полюса.
Ломая законы времени и расстоянья
По тайным меридианам иду напрямик,
Я тихо ступаю на звук твоего дыхания
Туда, где тепло милых глаз
в ночи проводник.
Однажды, дойдя до конца
земных отражений,
Я вдребезги разобью все дороги назад,
И в нашем с тобой
одинаковом измеренье
Я утром в объятьях твоих распахну глаза.

СМА

Михаил Нержин

Родился в Москве в 1950 г. Служил в морской авиации Черноморского флота, окончил Школу-студию при МХАТе. В Америке с 1981 года. Президент клуба Поэтов города Нью-Йорка, член ПЕН-клуба, член Академии Американской поэзии, член Клуба русских писателей Нью-Йорка. Художественный редактор альманаха клуба поэзии, 2005, 2006, 2007, 2008. Редактор и издатель литературно-художественного журнала "Острова" (115 Payson Ave. № 5B New York, NY 10034 USA тел. 212-567-3925), альманахов поэтов Австралии и Америки. Лауреат международного конкурса поэтов "Надежда Лпыр Золотая" 2003 года. USA. Editor Choice Award from International Library of Poetry.

Михаил Нержин о журнале «Острова»

Журнал выпускается 3 года. Состоит из трёх частей: проза, поэзия, вернисаж для живописи, графики, фотографии. ХУДОЖНИКИ ЭТОГО РАЗДЕЛА ОФОРМЛЯЮТ ОБЛОЖКИ ЖУРНАЛОВ И ЗАПОЛНЯЮТ СВОБОДНОЕ ПРОСТРАНСТВО МЕЖДУ ПРОЗАЙКАМИ. Сначала было 6 изданий в год, сейчас 4. Ежеквартально.

География авторов совпадает с распространением журнала - Австралия и Англия, Берлин и Новосибирск. Наш журнал для пишущей интеллигенции, выходящей из бывшего СССР. Мы представляем страницы авторам в порядке поступления в редакцию. Никакой цензуры, тематической нагрузки, идеологии, навязанной редакцией. Никаких планов для авторов мы не устанавливаем. Какие они есть, таких и печатаем. В дискуссии не вступаю ни с писателями, ни с читателями. Что у них сегодня получилось, то и получилось. История сама во всём разберётся.

СВЕЧИ ГОЛУБЫЕ

Свечи плачут голубые,
И огонь дрожит в испуге.
Мы с тобой давно чужие
В этом тёплом, добром круге.
Воск спускается наплывом,
шторы памятью кольшут,
Тень их, словно над обрывом, —
И не стонет, и не дышит.
В ореоле профиль нежный
С восковым прозрачным светом.
Угасает взор твой прежний
С наступающим рассветом.
Превратились свечи в жалость.
Ночь ушла и не простилась...
И о чём вчера мечталось, —
Нам с тобою только снилось.

МЫСЛИ ОТВЛЕЧЁННЫЕ...

Красным по зелёному тянулись облака,
К городу знакомому шли издалека.
А за ними — чёрные, грозною толпой,
Мысли отвлеченные встали на постой.

Нежные, хорошие, по тропе слепой
Облака, как лошади, шли на водопой.
Там, у тихой реченьки без конца и дна,
Звёзды вспыхнут,
свеченьки, и нальют вина.

Напою поэзию, искупаюсь сам,
В воду с рифмой лезу я, веря чудесам.
Красным по зелёному тянулись облака,
К городу знакомому шли издалека.

ХОД КОНЁМ

Небо серое, словно старый плед,
и до белых туч уж рукой подать.
Ухожу туда, не оставив след,
где извечная благодать.
Ухожу легко, словно песнь души,
словно ел одну карамель,
Ничего не знал, да и жил в глуши,
соловьиною слушал трель.

Мне до белых туч уж рукой подать,
позади меня долгий путь.
Но на зеркало не привык пенять,
да и прошлое не вернуть.
Если б мог вернуть, то конём ходил
и за пешку бы брал ферзя,
Но с утра уже старый дождик лил,
а без тех фигур мне нельзя.

МАЯК

- Вы знаете, как пахнет пеньковый канат, неоднократно вымоченный, в морской воде?! А, как пахнет натёртый «концами» «кнехт», с маленькой канавкой у бетонного основания, всегда почему-то заполненной морской водой? И этого вы тоже не знаете?! Ну, вы хотя бы слышали, как скрипят «кранцы», трясёт о деревянные брусья причала?! Вы и этого не слышали?! Что же вы тогда знаете о жизни...? раздумывал Кешка, направляясь в сторону причалов.

Вон тот, прямой и длинный, с пакгаузами через широкую площадь справа, это пассажирский, самый его любимый. Ведь здесь швартуются самые разнообразные суда: и танкера, и сухогрузы, и контейнеровозы, и масловозы, ну а с пассажирских, так то и говорить нечего. Если, не доходя сотню метров до его конца, свернуть в сторону западного мола, то окажешься на «аппендиците». Кто и когда назвал так этот отросток причала, Кешка не знал, но, однако испытывал к нему мальчишеское уважение, ведь, как метко-то. По-другому, пожалуй, и не назовёшь, да по-другому и звучать не будет, наверное. В самом конце «аппендицита» у конечной стены его, стоял небольшой и невзрачный Маяк. Невзрачный, вечно небеленый, он всегда притягивал к себе Кешку с такой силой, что устоять тот не мог, и каждый раз, приходя на причал, обязательно заворачивал и туда, подолгу стоял, заворожено глядя на тусклый его огонь. Штурманы и капитаны каботажных судов не нуждались в нём особенно-то, потому как прекрасно знали свои привычный фарватер и конфигурацию причала в мелочах и, конечно же, никогда не наскокили бы на «аппендицит», но положено, так положено. Тем более, что в нём больше других, несомненно, нуждался Кешка. Это был его, Кешкин, самый настоящий Маяк. Он мог подолгу стоять, глядя на отражение мерцающей лампы, под немытым стеклом башни, в ночной морской воде, вслушиваясь в протяжные высокие гудки буксиров в торговом порту. Отойдя от Маяка на пару десятков метров в сторону основного причала, он прикладывал к глазам ладонь, так, чтобы она отрезала от его зора высокую стену «мола», напротив и светящиеся башни нефтяного района, по ту сторону бухты. Тогда создавалось впечатление, что этот огонь одиноко светит, где-то далеко, далеко в море, а поэтому становится для кораблей-странников единственной надеждой в непроглядной мгле, освещаемой лишь далёким светом далёких звёзд.

Сегодня у причала стоял танкер «Ашхабад». Постройки он был достаточно древней, говорят, этот тип судов строили ещё до тридцать седьмого года. Кешка слышал это от отца, когда тот разговаривал с дядькой Володей у них дома, за бутылочкой водки. И что на палубе этих самых судов есть специальные станины для установки пушек, на случай войны. Сам Кешка, конечно, никаких станин не видел, да и на борту-то ни разу не бывал, однако очень любил в компании одногодок, да и не только, блеснуть своими не детскими познаниями в истории торгового флота родного города. Не раз он с гордостью рассказывал о том, как «самоглазным», то есть сам видел, эти самые станины и даже однажды чуть было не упал, зацепившись за болт, к которому, по словам капитана, и крепилась пушка.

Под форштевнем судна тихо плескалась вода, трясёт о борт и о брусчатку причала, резиновые «кранцы» жалобно стонали. Наверху, у самых канатных «клиззов», дребезжали одетые поверх «швартовых» жестяные круги — крысоотбойники, пахло мокрой пенькой, мазутом, отработанным маслом и морской травой. Вообще каждое судно имеет свой запах. Кешка точно знал это и даже, не без гордости, мог определить по нему, к какой категории относится то или иное судно. Кешка любил бродить вдоль борта, заглядывая в низко расположенные иллюминаторы. За ними шумела, звучала «Антоновым», пахла борщом и свежим хлебом и ещё чем-то неуловимо морским, светилась неоновыми лампами своя таинственная судовая жизнь. Кешка представлял, какая она сейчас там. В проходах тихо и безлюдно, команда, наверное, на берегу, лишь стояночная вахта несла скучную рутину телефонных звонков да моторист мусолил грязной тряпкой бубнящий дизель — генератор. Кое-где открывались и захлопывались двери кают. Повариха, шаркая домашними тапочками в проходе, сетовала, наверное, на горячую воду и бурчала вслед третьему помощнику что-то о сгоревшем элементе, на плите, вытирая мокрые руки о подол уже не белого передника. Где-то в конце прохода, почти у самой кают-компания, двое, осто-

рожно шушукаясь, собирали мелочь на вторую бутылку водки. Причем Петра решено было в каюту не приглашать и вообще, лучшим вариантом было бы отправиться на «бак», в «донкерманскую», там её «заразу» и «раздавить». Кешка улыбнулся, представляя этих двоих уже после «раздавления заразы». На корме, в районной машинного отделения, чуть выше ватерлинии била струя тёплой воды и падала в море, образовывала эхо, растекаясь под полостью причала. Борт танкера незаметно кончился и Кешка через несколько минут, оказался на конце причала. Здесь кряхтя и покуривая, смеясь и шутя, передавая между собой, то крючки и грузила, то мотки закидушек, на пробковых, самодельных вьюшках, то стаканы с местным, любимым вином «Кавказ15», сидело с десяток рыбаков. Здесь всегда сидели рыбаки, даже в те сезоны, в которые, по идее, кроме медуз вообще ничего не может ловиться. Рыбалка для этих людей была образом жизни, если хотите, образом мышления. Вот так, сидя на маленьких раскладных стульях или просто на деревянном бруствере парапета, поругиваясь, поплывавая на крючки в ожидании Валентина, отправленного в магазин за очередной бутылкой вина, они проживали дни, строя планы на завтра: Уж завтра-то клёв будет обязательно, вишь, как чисто, бороды то на перевале нет и ветер южный, не иначе кефали косяк загонит и баклан, смотри, как кричит, уж он-то рыбу чувствует...

Кешка недолго побродил среди нехитрого рыбацкого скарба, заглядывая в садки, что бы позавидовать счастливицам с добычей:

- Ух, ты!! Вот это «бекас»!! Ничего себе, первый раз такого вижу!! Это вы здесь вытащили дяденька?! — Кешка остановился у одного из садков, удивлённо разглядывая огромного «бычка»

- Иди отсюда пацан, лазаешь, шантрапа кругом, а потом вот такие рыбы пропадают... мужик в клеёчатой куртке и с классным спиннингом в руках, недовольно подвинул сумку с садком поближе к себе и с недоверием глянул на Кешку:

- Здесь, здесь, под самым причалом взял...

А вот тут запах был совсем другой, здесь пахло всем сразу. Морем, вымокшей пенькой, засохшими рыбьими кишками и чешуёй, которая была здесь повсюду, пролитым вином и морской травой, огрысками от яблок, засохшими огуречными попками. Повсюду валялась шелуха от мелких креветок — излюбленная наживка местных рыбаков. Кстати на каждом таком пятячке, обычно, подбиралась и своя компания, так сказать общество любителей рыбалки и местного напитка, часто знакомые с детства, так, как и жили все во дворах неподалёку. Кешка скучающей походкой добрёл до правого крыла причала. Когда-то здесь стояла на вечном приколе, не то плавбаза, не то плавучее общежитие, теперь здесь было сиротливо пусто, зато хорошо было видно западный «мол». Он свернул вдоль парапета налево и направился на «аппендицит». Вон уже виден его Маяк. Кешка вытащил из-за пазухи приспёсненную тряпку, надо протереть стекло, совсем заплыло не видно ведь никому и потом стыдно же кому сказать, что на его Маяке стекло грязное. Он побежал в конец «аппендицита», Маяк радостно мигал ему голубым светом:

- Ну, наконец, ну где же ты был Кешка?! Стекло, когда уже протереть обещал, а сам застрял, как ветер в поле, жди тут тебя, верь так тебе... — сетовал Маяк

- Не бурчи старина, сейчас протру, а на лето припру краски и ночью выкрашу тебя в зелёный цвет... Вот все обалдеют!!

- Почему же в зелёный, я же не ёлка...?!

- Хочешь, в оранжевый, но ты же не апельсин, в красный, ты скажешь, что не пожарная машина, если в жёлтый, то ты не одуванчик. Вот, что покрашу в зелёный и спрашивать не буду...

Кешка подбежал к башне, взобрался по металлическим ступенькам на самый верх, рискуя свалиться в воду, со всех сторон вытер фонарь. Вот теперь порядок. Держась левой рукой за набалдашник, он встал рядом со своим Маяком:

- Ээ, Гэ, Гэ, Гэй...!!! Глупые смешные чайки, что теперь СКАЖЕТЕ ???!!! — Кешка помахал им рукой:

- Ээ, Гэ, Гэ, Гэй!!! Вам оттуда видно мой маяк!? Я вытер его стёкла, теперь его должно быть видно отовсюду!! ЭЙ, ВЫ ТАМ, ГЛУПЫЕ ПТИЦЫ...!!!!???

Но они не обращали внимания ни на него, ни на новый, яркий свет Маяка. Завтра в бухту должен зайти косяк кефали, вот пир — то будет, лишь бы мимо не надумал пройти. Эх, только бы не свернул...!!!

Сергей КИРПЕВ

Ирина Кушнерова

Золотой ключик

Меняю свой гардероб на весенний,
хлам убираю с плечиков.
Прошаю обиды друзей и любимых,
грехи почти отпускаю...
В сердце больше нет ничего,
кроме автоответчика.
Но это неважно, шлюзы задраены,
воздух не пропускают.

Кошка-копилка снова беременна,
все говорят, будет тройня.
Это число счастливое, значит
мир изменится к лучшему!
Сотни влюблённых сейчас ненавидят
рельсы-вокзалы-перроны,
а я продолжаю верить в фильм-сказки
про золотые ключики...

Сплошь и повсюду оттепель, хочется
быть очень яркой и звонкой!
Весна вливает под кожу микстуру
острым огромным шприцем.
Вместо кого-то я занимаю
лучшее место под солнцем,
а кто-то вместо меня отчаянно
любит лучшего
принца...

Big city life

В этой стране пушистые облака.
«Боинги»-птицы ныряют сквозь
них на сушу.

Если я здесь — значит
это кому-то нужно!
Город родной, ты там не скучай... Пока!

Остров вулканов и необычных птиц,
как тебя Кук нашел на краю
планеты?
После зимы окунуться в цветное лето,
пару сжинок нежно смахнув
с ресниц...

Путать слова, теряться среди витрин,
верить в мечты и в улыбки простых
прохожих,
смысл искать в рисунках на смуглой
коже,
слать эсэмэсок пачки
[сегодня — free]

Русская речь здесь приносит особый
кайф —
редко слышна под флагом у
королевы...
Реки машин текут непривычно —
слева
бурным потоком уносят в
big city life...

Гравитация

Я давно научилась читать между
строк и слов.
Между смайликов,
скобок,
кавычек
и многоточий...
разбивая «ходовку» о выбоины и
кочки
добираться «на лампе» до станций и
маяков.

Я давно научилась жить там куда
занесёт
самолётом,
автобусом,
риксей,
такси,
трамваем...
Я умею устроиться так, чтобы «хата
с краю»,
только это почти ничего не меняет.
Чёрт!

Я давно научилась быть крошечной,
как Плутон.
Быть сама себе осью
и тихо вокруг вращаться...
истерически верить
в теорию гравитаций,
по которой однажды притянемся
Я и Он.

Валентина Шотт

Поэтический псевдоним Тина Шотт. Родилась на Урале, в городе Челябинске. Закончила Челябинский Педагогический университет, исторический факультет.

В Германии, Аугсбурге, живёт с 1997 года. Пишет стихи и прозу. Автор трёх поэтических сборников.

Стихи, проза, статьи публиковались в газетах и журналах, коллективных сборниках г. Челябинска. Готовы к печати две книги для детей «Роми Штерн, или звёзды падают в класс» и «Кузя в Карапузии».

Победитель поэтического конкурса в Мюнхене (медаль им. Ф.И. Тютчева, 2006)

Член Международной Федерации Русских Писателей (МФРП)

РОССИЯ. МАМЕ

**В две скрипки с тобою, Россия,
Слепыми сыграю руками...
В две скрипки... Чуть слышно?
Нет, сильно!
Моей нестареющей маме.
В две скрипки — моя и России,
Смычок — в разучившихся пальцах.
Увы, в унисон не осилю —
Корявою нотой скитальца...
Моя дорогая Россия!
Я плакать попробую скрипкой —
Рванулась душа (не России),
В мелодию жизни — ошибкой...
А мама — пророческой силой,
Полями раздольными, Речью —
Ребёнка, дочурку просила —
Судьбу не накликай овечью...
Две скрипки... Прости меня, мама,
Россия играет крещендо
И звук — обжигающий самый!
Дуэтом?! Не вышло момента.**

**КУСОЧЕК ЖИЗНИ —
НО ВЗАХЛЁБ!**

**Хоть день, да наш!
Без укоризны,
Мы будем жизнь срывать с куста,
И две заброшенные жизни —
Не горечью последней тризны —
Сцелуем росами с листа.**

**Пусть миг один
Такой свободы —
Вальсировать на облаках!
Понятны станут птичьи оды,
На звёзды обменяем годы —
Взахлёт носи в родных руках.**

**Возьми себе моё дыханье,
А завтра — может, и потоп!
И две души, даря сиянье,
Плывут во мраке осиянном...
Терзанья грешности — потом!**

ТОЛЬКО ЖИВИ, МОЯ МАМА!

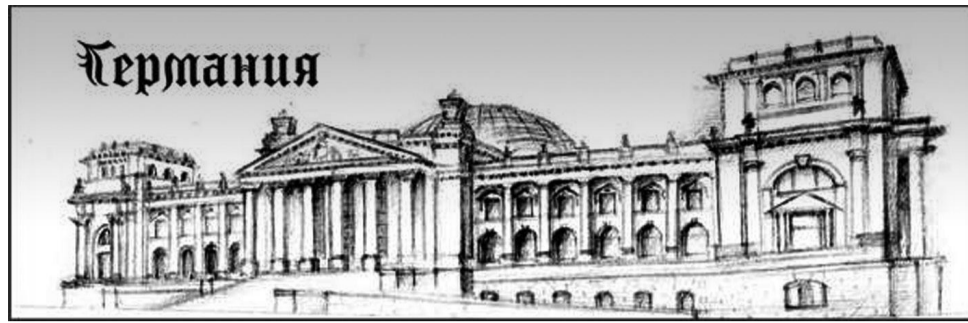
**Что за январь без морозов?
Горечь ушла из рябины,
Заревом — гроздь-рубины,
Воздух России берёзов.**

**Ваше Величество, Мама!
Я преклоняю колени,
В вечном потоке сомнений
Слышу прощающий «Амен».**

**Пройдено много, иль мало?
Дважды по сорок — не возраст,
И разгорается хворост —
Нового века начало.**

**Возле тебя отогреюсь,
Душу очищу от злого,
Мудрость совета простого,
Я так на встречу надеюсь —**

**Выше и чище нет храма!
Пусть январь не застудят,
Дочь, что вдали — не осудят...
Ваше Величество, Мама.**

Германия

Трюк прокурора

(Из «Дневника начальника уголовного розыска»)

Сегодня дневник пополнился ещё одной, далеко не радостной, записью.

На мой взгляд, она позволит полнее отобразить негативную сторону мира, в котором я живу. Правда, для общества не совсем характерную.

Речь пойдёт, мягко говоря, о беспрецедентном должностном подлоге, используемом при расследовании убийств. К счастью, этот способ пока ещё не приобрёл массового характера, что слегка успокаивает.

Но можно ли считать удачно «прокрученный» эпизод единичным? Увы, тут я вынужден некомпетентно умолкнуть. Ведь сам вопрос, как выяснилось, обращен в пространство. Его боязно даже выслушать. Ответить некому.

В летние месяцы жара заметно сдаёт позиции лишь к полуночи, да и то ненадолго.

Хотя июльский день уже померк, в городе стояла невыносимая духота.

Мне хотелось пить. Я вошёл в кафе с завлекающей вывеской «Росинка янтаря» и занял единственное свободное место в углу зала.

Заметив гостя, юный официант услужливо склонился надо мной.

Не притрагиваясь к тощему меню, я сделал заказ:

- Две кружки баварского пива, солёный миндаль, хвост вяленой рыбы.

Кафе-бар вмещал более сотни человек. Люди галдели, курили, вели пьяненькие споры. Такая атмосфера большинству моих знакомых не нравилась. Но изнурительная жара гнала всех сюда, к ледяной пенной влаге.

Вероятно, преобладающее значение имело расстояние. Путь от кабинета до «Росинки» сотрудники милиции покрывали за три минуты. И окунались в прохладу кондиционированного воздуха.

Под пристальным взглядом соседа по столику я осушил бокал пива, закинул в рот шепотку миндаля и потянулся в карман за сигаретами.

Бородатый мужчина, наконец, произнёс:

- Вы меня узнаёте?

Желания общаться со случайным «попутчиком» у меня не возникло. После рабочего дня хотелось посидеть молча, бездумно, отрешенно.

Отвернув взор в сторону, я негромко бросил:

- Нет.

- Моя фамилия Валиев. Расул Валиев, - счёл необходимым представиться он. - Четыре года назад меня осудили за мокруху... Юлбарисова.

Я слегка оживился и переспросил:

- Студента Юлбарисова? Помнится, виновного суд приговорил к десяти годам...

- Да, влепили червонец, - кивнул Расул, - но спасла амнистия.

В моей памяти это убийство сохранилось отчетливо.

Мы обнаружили труп на обочине центральной дороги. Юлбарисову злодей распорол кишки, отчего парень скончался мгновенно.

Имя убийцы оперативники установили без труда. Его внешность описал друг терпилы - Алан Коростылёв, на глазах которого бандит махнул тесаком.

Свидетель рассказал, что из кафе вышла группа людей. От неё отделился усатый мужик и направился к припаркованному вдоль трассы «BMW». Открыв незапертую дверь, этот человек вытянул из-под сидения нож, приблизился к Юлбарисову и ударил студента в область печени. Друзья молча подхватили голову реза под руки, затолкали в автомобиль и уехали.

На вопрос: «Кто был инициатором ссоры», - Коростылёв недоуменно выгнул брови и ответил, мол, в сторону лихоеда мы даже не смотрели.

Труднее было разговорить официанток. Они, естественно, боялись мести хулиганов. Но одна из женщин, которую мой заместитель взял под личную опеку, шепнула: «Клиенты ужинали в отдельном кабинете. Ели деликатесы, пили водку, курили травку. В компании главенствует усатый по имени Таир. Его персональный водитель оставляет иномарку под акацией. А студент, видимо, припарковал свою автомашину к ней впритык, что бандитам не понравилось».

Слова официантки подтвердил опер:

- Поведение вполне в стиле Таира. Наркоман обкуривается до беспамятства. Затем лезет драться. Криминального авторитета по кличке Банзай сыщики знали не первый день. В Ташкенте он «отвечал» за организацию азартных игр, контролировал доходы бильярдных залов и менял валюты на рынке. Время от времени штамповал лотерейные билеты.

Опознание Банзая мои хлопцы провели по фотографии. Собрали объёмистый материал, подтверждающий виновность злоумышленника, и передали в прокуратуру.

Из архива уголовного розыска Мамаев Таир Люсинович, 1953 года рождения. Образование 8 классов. Не работает. Женат. Судим за разбойное нападение, вымогательство, мошенничество. Лидер криминальной группировки «Восточная»...

Следователь Казахбаев допросил очевидца преступления и разобрался в свидетельских показаниях. К утру он вынес два постановления — об объявлении Мамаева в розыск и заключении под

стражу.

Чтобы арестовать Таира, доказательной базы хватало с избытком, поэтому документы прокурор санкционировал тут же.

Я допил вторую кружку пива, а сосед хлопнул пузатый бокал водки.

Захмелев, Валиев прихвастнул:

- Теперь у меня долларов полно. Все отработано до копейки... Открою в центре магазин и заживу своим кайфом.

Расул, наверняка, пребывал в уверенности, что мне источник поступления денег известен.

Впрочем, от истины он был недалеко.

После объявления Мамаева в розыск, я столкнулся в дверях прокуратуры с человеком, удивительно похожим на Банзая. И хотел пройти мимо.

Вдруг мужик спокойно прогнусавил:

- Здравствуйте! Я слышал, что угрозыск меня ищет. В момент убийства студента мы всей семьей отдыхали в Питере. Спасибо Казахбаеву, недоразумение...

Никогда раньше я не предполагал, что кровь может столь больно ударить в голову. Забыв про Таира, мои ноги понеслись в кабинет следователя.

Я ворвался в комнату и, не в силах сдержать эмоции, гаркнул:

- Арестуй бандита немедленно! Какой Питер? У нас воз свидетелей!

Казахбаев нагло ухмыльнулся:

- Не любит милиция признавать ошибки. Ой как не любит. Мамаев предъявил авиабилет и счёт за аренду гостиничного номера. У него алиби железное. Вспомни, в самом начале расследования Алан Коростылёв опознал убийцу по фотографии, но позже в своей правоте усомнился. А любое колебание закон трактует в пользу обвиняемого. Прокурор уже отменил санкцию на арест... Да ты не кипятись, дело раскрыто, есть задержанный. Его конвой повёл в отдел.

Я не дослушал бред, выскочил на улицу, плюхнулся в автомашину и мигом подлетел к РОВД.

Дежурный офицер уловил причину моей ярости. Он указал на верзилу, закованного в наручники:

- Арестован за убийство студента. Но поговорить с ним ты не успеешь, этап в тюрьму отправляется через несколько минут.

Смесь пива и водки опьянила Валиева. У него заплетался язык, текла слюна, губы облепила рыба чешуя. Сидеть рядом с ним было противно. И всё же мне хотелось разговор, полезный оперу, довести до конца.

Переборков отвращение, я спросил:

- Каким образом ты угодил в тюрьму?

- Отчего не поделиться опытом, - промычал Расул, - начальник угрозыска секрет не продаст. Это эски ценят.

- Сколько тебе заплачено за «нужные» показания следователю? - напирал я.

- Конкретную сумму не назову... Мне отстегнули за все десять лет, отмеренные судом, и обещали амнистировать.

- Всё же, как ты оказался за колючей проволокой?

Валиев дохлебал третий литр пива.

- Я кругом задолжал. Хоть вешайся. Выручил случай. Со мной встретились крутые ребята... они предложили долг оплатить. Сверх того посулили огромные деньги... в обмен на свободу. Короче говоря, меня уломали взять на себя убийство студента.

- Казахбаев давил на тебя?

- Зачем давить? Следак внёс в протокол заранее подготовленные ответы... Моё раскаяние суд принял во внимание... и вот через сорок три месяца я свободный орёл. Возвращение домой отпраздную в кабаке... Приглашаю Вас, Георгий, на банкет.

Расул не открыл мне Америку. Тем не менее, «задушевный» диалог прояснил отдельные моменты прокурорского трюка. И хотя сомнений по поводу обмена бандита на невиновного человека у меня не возникло, историю оказалось полезно выслушать из уст самого Валиева.

От приглашения на банкет я отказался. Встал и отяжелевшей походкой направился к выходу.

Валиев дохлебал третий литр пива.

Я кругом задолжал. Хоть вешайся. Выручил случай. Со мной встретились крутые ребята... они предложили долг оплатить. Сверх того посулили огромные деньги... в обмен на свободу. Короче говоря, меня уломали взять на себя убийство студента.

Казахбаев давил на тебя?

Зачем давить? Следак внёс в протокол заранее подготовленные ответы... Моё раскаяние суд принял во внимание... и вот через сорок три месяца я свободный орёл. Возвращение домой отпраздную в кабаке... Приглашаю Вас, Георгий, на банкет.

Расул не открыл мне Америку. Тем не менее, «задушевный» диалог прояснил отдельные моменты прокурорского трюка. И хотя сомнений по поводу обмена бандита на невиновного человека у меня не возникло, историю оказалось полезно выслушать из уст самого Валиева.

От приглашения на банкет я отказался. Встал и отяжелевшей походкой направился к выходу.

Валиев дохлебал третий литр пива.

Я кругом задолжал. Хоть вешайся. Выручил случай. Со мной встретились крутые ребята... они предложили долг оплатить. Сверх того посулили огромные деньги... в обмен на свободу. Короче говоря, меня уломали взять на себя убийство студента.

Казахбаев давил на тебя?

Зачем давить? Следак внёс в протокол заранее подготовленные ответы... Моё раскаяние суд принял во внимание... и вот через сорок три месяца я свободный орёл. Возвращение домой отпраздную в кабаке... Приглашаю Вас, Георгий, на банкет.

Расул не открыл мне Америку. Тем не менее, «задушевный» диалог прояснил отдельные моменты прокурорского трюка. И хотя сомнений по поводу обмена бандита на невиновного человека у меня не возникло, историю оказалось полезно выслушать из уст самого Валиева.

От приглашения на банкет я отказался. Встал и отяжелевшей походкой направился к выходу.

Бэла Иордан
г.Розенхайм, Бавария

ВОПРЕКИ

**Доверчивость, живущая во мне,
В кострах обмана живо сгорала,
Но фениксом из пепла восставала,
Как будто возрожденная в огне.**

**И, принимая жизни благодать,
Обидчикам не жаждала отмщенья
В глубокой вере — всех заставит время
Разбросанные камни собирать.**

**А Высший суд накажет, не шутя,
Того, кто попирает его законы:
Доверчивость, по сути, есть ребёнок,
Преступно ранить подлостью дитя.**

**И пусть обман злорадствует втайне,
А ложь сплетает сети словоблудья,
Им вопреки идет навстречу людям
Доверчивость, живущая во мне.**

ПРИГОВОР

**Поделом мне, поделом.
По делам мне, по делам.
Не построила свой Дом,
Не нашла дороги в Храм.
И любовь не сберегла,
Будто не было её,
Неотложные дела
Разменяла на бытёе.**

**Кувыркром катилась жизнь
Из находок и потерь.
Все старалась не тужить,
Все казалось — не теперь.
Потерялась — не нашлась
В бесшабашной суете.
Каждый День и каждый Час
Распинала на кресте.**

**И кому теперь пенять,
Что на пыль растрачен пыл?
Все бы заново начать,
Да, увы, не хватит сил.
Время — праведный судья —
Зачитало приговор,
И в меня средь бела дня
Возраст!
выстрелил!
в упор!**

ПО ЗАМЫСЛУ ТВОРЦА

**Уходят все однажды в никуда,
Таков удел, итог всего живого.
Сорвется, с неба падая, звезда,
Погаснет вмиг и не зажжется снова.**

**Никто не знает даты наперёд —
Жестоко и не нужно это знание —
Но кто-то слыше точный счет ведет
Земным часам
в пространстве мироздания.**

**Отмерен срок, и путь земной не прост —
Никчемности природа не приемлет,
И следует задать себе вопрос:
Зачем же я пришел на эту землю?**

**В чем был резон и миссия моя?
Что дал Всевышний в дар,
как порученье,
Стремясь наполнить смыслом бытия,
Всей сутью моего предназначенья?**

**И важно вникнуть в замысел Творца,
Взлелеять им посаженное семя
И честно отработать до конца
Тот щедрый дар в отпущенное время...**

**Как бусы с нитки, катятся года,
Наступит день — уйду и дверь закрою.
Так дай мне Бог, прощаясь навсегда,
Вернуть мой долг написанной строкою.**

Георгий Лахтер

Родился в 1952 году. Окончил Ташкентский государственный университет. Филолог по образованию. Приехал в Германию в мае 2002 года. Автор серии книг «Дневник начальника уголовного розыска» Председатель Германского отделения МСП «Новый Современник»

Человек

Комнату окутало яркое сияние, первые лучи солнца прыгнули через стекло и дотронулись до лица человека, лежащего в своей уютной постели. Человек немного потянулся, неловко приоткрыл глаза, зажмурился, перевернулся. Солнце показалось глазам слишком агрессивным, он лежал и думал о том, как он мал во вселенной, про людей, которые его окружают, про своё прошлое и будущее, про первый поцелуй, про первую потерю, он искал смысл, но не видел его. Каждый день, вставая, он ходил на работу, он куда-то бежал, что-то делал, он тщетно пытался искать ответы на свои вопросы в книгах, в интернете, среди людей, но не находил их. Однажды он поднялся на 9 этаж многоэтажного дома и прыгнул вниз, вопреки страхам, он не почувствовал боли, всё произошло молниеносно, потом увидел яркую вспышку над головой и полетел на её, как светлячок в объятие лучшего друга. Время растворилось в его сознании, оно пропало, мысли завертели с невообразимой скоростью, он перелистывал свою жизнь назад и вперёд, даже видел своё рождение и радость родителей, задавал волнующие вопросы и сразу же получал ответы, перепробовал все вина и коньяки на планете, побывал на вершинах самых высоких гор, пролетел через морские глубины, прошёл по Млечному пути, получал всё и без вопросов, зачем и для чего, даже увидел как появлялась вселенная, зарождалась жизнь на Земле, абсолютная свобода. Но чего-то не хватало ему и не было полного удовлетворения от полученных даров, скучно стало человеку, он присел на радугу какой-то чужой планеты и заплакал, он понял что смысл жизни не кроется в вседозволенности, могуществе, что это не то к чему он шёл, он не БОГ и просто не готов всё это понять, высшие материи, чужие миры, всё это ему показалось преждевременным и ненужным. Ему просто хотелось вновь проснуться в своей постели, позвонить любимой девушке и, наконец, сделать предложение руки и сердца, ему захотелось заново пойти на работу, заново взять помятую бумажную книгу братьев Стругацких про то, как трудно быть БОГОМ. Он понял, как прекрасно быть человеком, как удивительно самому добиваться ответов, смешивая странные жидкости в пробирках, как это делали ещё древние в поисках странных веществ; взбираться на горы познания,

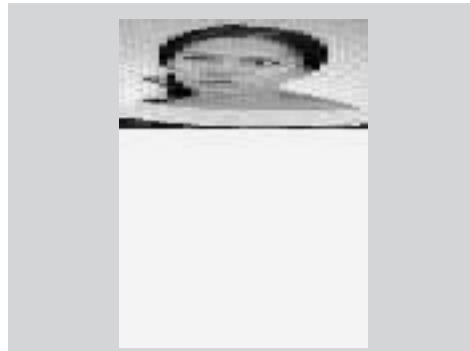
Василий Майстров

Проживаю в Юрмале. Увлекаюсь высшими технологиями, потому как профессия обязывает, да и самому интересно, по образованию магистр электроники.

совершать ошибки, любить, пусть и не зная, что этот человек никогда не будет рядом с тобой, оглушить себя выстрелом газового пистолета, не зная заранее, что он так громко стреляет... Жизнь со всеми ответами - и ты почти БОГ, жизнь без загадок, а только ответы, ответы, ответы оказалась скучна и не имеющая больше смысла. Ему становилось всё хуже и хуже, но в этом мире тебе не прыгнуть заново с многоэтажки, ведь тебя нет, ты несуществующий для старой реальности. Он закрыл глаза и стал молить БОГА вернуть его обратно, но во вселенной было лишь молчание и темнота. Он почувствовал, как по нему скользнул луч света, тот привычный луч солнца, который будит его по утрам, он открыл глаза и увидел, что опять в своей постели, он не поверил своему счастью, понял что всё что было до этого, было сном.. Ликуя и улыбаясь, он побежал в ванную, потом на кухню, он чувствовал, что он счастлив, он вышел на улицу, улыбался каждому прохожему, и они улыбались ему, наслаждался яркими красками природы, небом, деревьями, жадно вдыхал воздух, и радости его не было предела...

Я не знаю, как закончилась жизнь этого человека, но знаю, что он женился на любимой девушке, потом его повысили по службе, дальше следы запутываются, мой друг, да и не хватит книги чтобы описать его жизнь, он успел многое, веришь...? Эх, веришь - не веришь, вечный вопрос.

Знаю, что умер он с улыбкой на лице, потому что был счастливым человеком и познал смысл, свой смысл жизни, проехал полземного шара, выучил 5 языков, видел многое, прожил насыщенную жизнь и даже смерть не страшала его.

Любовь Василенко

Родилась в 1980 г. в пгт. Нижнегорск в Крыму. Печаталась в различных периодических изданиях Украины, журналах. Авторские сборники: «Признание» и «Инопозный гость».

В 2006 г. награждена Почетной Грамотой Президиума Верховного Совета АР Крым за вклад в развитие литературы и культуры Крыма. Присуждена Литературная премия имени А.И. Домбровского журнала «Брега Тавриды» (2007 г.). Член Союза русских, украинских и белорусских писателей АРКрым и Международного сообщества писательских союзов (г.Москва).

СОБАЧИЙ НОВЫЙ ГОД

**В драной болоньевой куртке
шел старичок-бомжикоч.
И собрал окурки
в грязенький кулачок.**

**Следом трусила псина.
"Гривню на ейный корм!" -
клянчил тот дед плаксиво.
Палал снежка поп-корн...**

**Кто там - в ритмах белого балета -
полуптица, получеловек, -
классикой звездных пируэтов
загребает обморочный снег?..**

**Закольцованный неадекватцей
аутично вывихнутых крыл, -
кто там голос льет:**

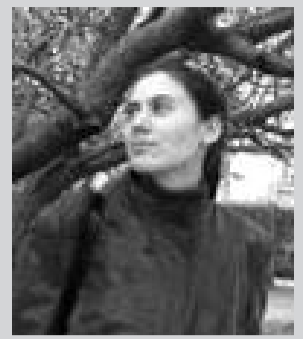
"Куда ж вы, братцы?.."

А родимой стаи след простыл.

**Вновь по ветру золотом червонным
под ноги скупого ноября
расплескалась осень желтозвонно,
бесшабашно памятью соря.**

**Оттого ль хрустальной ультразвука
на слуху - тончайший переплач?
Оземь-листе чуть не бульжным стуком
шмякнулся вдруг и понесся вскачь...**

**Но горчинкой угоревшей прели
опоенный, тотчас же увяз
в сумерках размытой акварели
символом распада без прикрас.**

Наталья Малая

Родилась в 1980 г., закончила КГМУ им.Георгиевского, живу в Симферополе, работаю клиническим ординатором кафедры педиатрии КГМУ. Состою членом лит.клуба «Хорошо».

**Прохладный ветер
Закат принёс,
Как мало неба,
Как много звёзд.
Краснеет солнца
Закатный плащ,
Уходит вечер
Под скрипок плач.
И кто-то шепчет
Издаലെка,
Услышать мало,
Ушла строка,
Темнеет - значит
Гореть огням,
Струится вечер,
Сквозь звёздный храм.**

**Я заберу твою печаль,
Вплету, как ленточку - в разлuku,
Тебе сквозь тьму тяну я руку,
И холод бьётся у плеча.
Я покажу тебе зарю
И радуг дивные дороги,
И лучезарные пороги,
И водопады подарю.
Я буду говорить сейчас
О всех горах, морях и песнях...
А хочешь, помолчим мы вместе,
И не вернёте к нам печаль.**

**Поднимаю бокал в твою честь,
Осень в окна бросается птицей,
Чтобы после в листе раствориться,
В небо взвиться и в солнце стореть.
Поднимаю бокал в твою честь.**

**Ты вдали. Дни летят октября.
Звёзды бродят ночами по кругу.
Я пишу тебе - брату и другу,
То, что на сердце - тайна моя.
Ты вдали. Дни летят октября.**

**Осень кружится в такт облакам,
Я тебе пожелаю немного -
Просто пусть будет доброй дорога,
А беда от тебя далека.
Осень кружится в такт облакам...**

Впервые я приехала в «Липки» в 2009 г. Именно тогда Фонд СЭИП придал Форуму молодых писателей России статус международного, и в название добавилось «с участием молодых писателей из стран СНГ и зарубежья». По своей значимости и содержательности идея С.Филатова - создание многонационального литературного товарищества - не имеет себе равных. В Украине мероприятий такого уровня и размаха нет в принципе. На бескрайних украинских степях русский писатель, словно вымирающий редкий вид, можно смело заносить в Красную книгу. Безусловно, С.Филатов стал преемником советской традиции совещания молодых писателей, которые проводились раз в четыре года. Но той страны больше нет, а современная Россия ничего нового не придумала, так почему же не воспользоваться старым добрым опытом, который оправдал себя во всех отношениях? Ведь многие столпы нынешней русской литературы (Э.Успенский, В.Аксенов и др) - выходцы из тех самых совещаний молодых писателей.

Без преувеличения могу сказать - «Липки» стали для меня культурным шоком. Вдруг оказаться среди таких, как ты - пишущих и думающих о литературе, не как об отвлеченной материи, а как о чем-то реальном и жизненно необходимом - дорогого стоит. Варяжь в «собственном соку», участвуя в местечковых украинских фестивалях, больше смахивающих на посиделки в сельском ДК, меня поразил размах, организация и уровень Форума. 180 человек из всех регионов России, Кавказа, Украины, Бело-

Литературный Вавилон

руссии, Молдовы, Армении, Грузии, Казахстана, Туркмении, Узбекистана, Эстонии, Литвы, Германии, Чехии, Финляндии на протяжении недели жили в подмосковном пансионате «Липки», работали в мастер-классах, посещали лекции и творческие вечера известных современных писателей. Обучение литературному мастерству, передача опыта, наращивание тонкой нити, на которую нанизывались поколения, проходило в сжатые сроки и в жестких условиях. Но самое главное, это общение с себе подобными. Именно в «Липках» я особо остро почувствовала, в какой культурной изоляции нахожусь, живя не в Хацапетовке, а в одном из крупнейших и промышленно развитых городов Украины - Днепрпетровске. Где еще, как не в «Липках» можно побывать на творческих вечерах и задать вопрос Михаилу Веллеру, Леониду Юзефовичу, Юрию Вяземскому, Владимиру Маканину, Дмитрию Быкову, Владимиру Личутину, Павлу Басинскому. А на десятый Форум был приглашен летчик - космонавт Алексей Леонов! Вряд ли на Украине я когда-нибудь увижу всех этих людей. К своему огромному стыду, только в Липках я узнала, что «толстые» литературные журналы - «Новый мир», «Звезда», «Знамя», «Октябрь», «Москва», «Вопросы литературы», «Дружба народов» и др. - живут и здравствуют, а главные редакторы являются руководителями мастер-классов. Какой смысл молчать о том, что книжный рынок

Украины завален низкопробной литературой с космическими ценами и учебниками, которые с завидным постоянством каждый год переписываются, и даже в библиотеках уверены, что «толстые» литературные журналы канули в бездну еще в 1991 году.

В 2010 году Форум отметил юбилей - десятилетие, а посему творческая встреча с первым поколением «липкинцев», ныне современными известными писателями, твердо стоящими на литературной почве - Захар Прилепин, Денис Гуцко, Герман Садулаев, Роман Сенчин, Сергей Шаргунов - обрела некий символический привкус. Потребность в хорошей и качественной литературе есть, в один голос утверждали представители нового поколения литераторов, выросшие в стране с дурным вкусом, без героев и идеи, где нужна в алкоболе и наркотиках намного сильнее, нежели в чтении и желании учиться. Возможность найти в литературе свою нишу и читателя есть у каждого. «Места хватит всем, - подвел итог Захар Прилепин, - издательства ищут качественные и оригинальные рукописи».

Надежда, обретение веры в собственные силы, талант, желание работать и совершенствоваться - все это составляющие творческой рабочей атмосферы Форума. И общение... Многогранное, содержательное, яркое - новые друзья, связи, контакты. Формируется особая

специфическая среда, где ты чувствуешь себя частью чего-то необходимого и нужного, маленьким винтиком большого литературного процесса. Безусловно, не все проходит гладко. Какие-то недоразумения, недомолвки вспыхивают и гаснут, слишком мало времени, чтобы тратить его на бытовые мелочи. Зачастую семинарам не хватает толерантности, умения понять и принять чужую позицию, иногда молодые авторы скатываются к склоности и оскорблениям, что ж, конструктивной критике тоже необходимо учиться. Для многих «липкинцев» Форум - дебют в большой литературе, а еще возможность быть прочитанным в Сибири, на Камчатке, Кавказе. Кто-то выпрыгивает в поезд, мчащийся на всех парах с первого раза, у кого-то так и не получается. За десять лет через «Липки» прошли 1500 ребят, и только единицы - лауреаты престижных национальных премий, издаются и живут полноценной литературной жизнью. Как бы хотелось, чтобы крупные издательства России прислушались, приглядывались к тому, что происходит в «Липках», были заинтересованы в возвращении молодых талантов и во построении идеологии страны. Герой не может появиться из ниоткуда, он - мысль, желание, действие писателя, который отражает и преломляет в себе судьбу поколения. Форум - многонациональный проект, словно Вавилон, где перемешаны народы и крайне разное восприятие, ощущение и личный опыт проживания жизни, он с завидным постоянством дает новые имена современной русской литературе.

Наташа СЕВЕРНАЯ, г. Днепрпетровск